

Николай Гоголь

иллюстрированное издание

**ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ
БЛИЗ ДИКАНЬКИ**

Вий

Мировые шедевры

Мировые шедевры. Иллюстрированное издание

Николай Гоголь

**Вечера на хуторе
близ Диканьки. Вий**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Гоголь Н. В.

Вечера на хуторе близ Диканьки. Вий / Н. В. Гоголь —
«Издательство АСТ», 2019 — (Мировые шедевры.
Иллюстрированное издание)

ISBN 978-5-17-118295-3

«Вечера на хуторе близ Диканьки» погружают читателя в славную историю запорожского казачества, атмосферу страшных украинских легенд и романтических сказаний, яркие декорации с шумными ярмарками, щедрыми застольями, фактурными, полнокровными персонажами. «У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных, мне известных», – писал Гоголь. Реальность, преображенная его фантазией, приобретает изящную художественную завершенность, а герои воспринимаются как целостные поэтические типы. Однако наиболее уникальная черта гоголевского стиля – это, конечно, юмор, в русской литературе явление единственное в своем роде. Повесть «Вий» – фактически первый русский триллер, с едва прикрытым эротическим подтекстом и готовыми декорациями для мистического фильма ужасов. Фольклорные персонажи, связанные с нечистой силой, перестают быть забавными существами, над которыми хитрый герой – как положено в сказках – всегда одерживает победу. Именно в «Вие» Гоголь переходит от изображения вымышленных демонических персонажей к отображению подспудного демонизма самой жизни.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-118295-3

© Гоголь Н. В., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	7
Вечера на хуторе близ Диканьки*	10
Часть первая	12
Предисловие	12
Сорочинская ярмарка*	21
I	21
II	27
III	29
IV	34
V	35
VI	38
VII	40
VIII	42
IX	44
X	45
XI	47
XII	48
XIII	50
Вечер накануне Ивана Купала*	53
Майская ночь, или Утопленница	80
I	81
II	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Николай Васильевич Гоголь Вечера на хуторе близ Диканьки. Вий

© В. Горпинко, вступ. ст. и коммент., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие

Петербург 1829 года встретил романтически настроенного юного Гоголя холодно и равнодушно. Двадцатилетний выпускник Нежинской гимназии прибыл в столицу, полный надежд и планов, мечтая о блестящей карьере, хотя с конкретным поприщем еще не определился. Пробовал поступить на сцену, служить писцом, преподавать историю. Богатая натура Гоголя в тесные чиновничьи рамки не вмещалась, а игривое воображение требовало совсем другого выхода.

В его письмах к матери и сестре то и дело звучит настойчивая просьба «сообщать о нравах малороссиян наших», присылать описания национальных нарядов и гетманских костюмов, свадебных традиций, народных поверий о русалках, домовых и духах. Его интересуют старинные книги и «рукописи стародавние про времена гетманщины», украинские песни и сказки. Кажется, что мысли о малой родине – его единственная отдушина в негостеприимной Северной столице. Неудачно дебютировав в печати с наивной поэмой, Николай Васильевич вскоре задумывает несколько повестей, основанных на украинском фольклоре и пронизанных щедрым, чувственным южным колоритом.

Опубликованные в 1831–1832 годах восемь повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки» наконец приносят Гоголю долгожданную известность, а в корпус русской литературы вводят совершенно новые типы, новую топонимику, новый исторический ракурс. Действие повестей охватывает три столетия, легко переносит читателя из века XIX в XVII и обратно, погружая в славную историю запорожского казачества, атмосферу страшных украинских легенд и романтических сказаний, яркие декорации знакомого писателю сельского быта с шумными ярмарками, щедрыми застольями, фактурными, полнокровными персонажами. «У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных, мне известных», – писал Гоголь.

Реальность, преображенная его фантазией, приобретала изящную художественную завершенность, а герои воспринимались как целостные поэтические типы. Сколько имен нарицательных подарили нам его произведения! Однако наиболее уникальная черта гоголевского стиля, проявившаяся в первой же его книге, это, конечно, юмор – в русской литературе явление единственное в своем роде.

«Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности, – откликнулся Пушкин на прозаический дебют Гоголя. – А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел в типографию, где печатались „Вечера“, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою. <...> все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой. Как изумились мы русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина!»

А. Венецианов. Гоголь в 1834 году

Если интерес Гоголя к страшным сюжетам подогревался немецкой романтической школой (в частности, творчеством Э. Т. А. Гофмана), то его сатирический талант развивался под влиянием украинской смеховой традиции. Сюжеты его повестей, как и образ черта, явно перекликаются с балладами родоначальника украинской сатиры П. П. Гулака-Артемовского. Особую роль в формировании культурного кругозора Гоголя сыграл драматург и поэт И. П. Котляревский, основоположник украинского литературного языка. С украинским классиком Гоголя роднит прежде всего природа юмора, неразрывно связанного с бурлеском – народной смеховой культурой, в которой переплавились низкое и высокое, обыденное и героическое, комическое и серьезное.

Юмор – идеальное оружие для выполнения главной писательской задачи, как понимал ее Гоголь: «Уже издавна я только тем и озабочен, чтобы после моего сочинения вдоволь насмеялся человек над чертом». В его картине мира черт – это воплощение человеческой пошлости, которую он чувствовал и умел показать как никто другой. Как отмечал Д. С. Мережковский, «Гоголь первый увидел невидимое и самое страшное, вечное зло не в трагедии, а в отсутствии всего трагического, не в силе, а в бессилье, не в безумных крайностях, а в слишком благоразумной середине, не в остроте и глубине, а в тупости и плоскости, пошлости всех человеческих чувств и мыслей, не в самом великом, а в самом малом».

«Вечера на хуторе близ Диканьки», во многом несовершенные, еще ученические, но навеянные «сладкими минутами молодого вдохновения», стали первым шагом к формированию так называемой натуральной школы – ранней формы критического реализма, который предопределил облик всей русской литературы XIX века. Само понятие «гоголевское направление» стало синонимом критического реализма.

Украинская история, традиционный быт и фольклор продолжают занимать воображение писателя и в сборнике повестей «Миргород», опубликованном в 1835 году и включавшем одно из самых загадочных произведений русской литературы XIX века. Повесть «Вий» – фактически первый русский триллер, с едва прикрытым эротическим подтекстом и готовыми декорациями для мистического фильма ужасов.

В отличие от романтизированной, почти сказочной атмосферы «Вечеров...», в «Вие» Гоголь находит своих героев среди тогдашних студентов, помещая их в грубую реальность бурсы – такого откровенного описания семинарских нравов литература еще не знала. В этом изменившемся мире, расколотом непримиримыми противоречиями, и фольклорные персонажи, связанные с нечистой силой, перестают быть забавными существами, над которыми хитрый герой – как положено в сказках – всегда одерживает победу. В жизни добро торжествует далеко не всегда, и недоучившийся философ Хома Брут, в силу своей человеческой слабости, становится жертвой потусторонних сил.

В повести «Вий» наметился новый этап в творчестве Гоголя: от изображения вымышленных демонических персонажей он переходит к отображению подспудного демонизма самой русской жизни. Вскоре, окончательно порвав с народным мифотворчеством, писатель перенесет ощущение фантазмагии в окружающую действительность, такую шаткую и призрачную, что она оказывается страшнее народной фантастики.

Виктория Горпинко

Вечера на хуторе близ Диканьки* **Повести, изданные пасичником Рудым Паньком***

«**Вечера на хуторе близ Диканьки**». *Диканька* – поселок в Полтавской области, в центральной Украине, который впервые упоминается в летописях в 1658 году. В первой трети XIX столетия, когда Гоголь работал над циклом «Вечеров», село насчитывало около 3 000 жителей, тут была открыта первая частная школа. Ежегодно в Диканьке проводилась широко известная ярмарка, и действовали две церкви – Николаевская, в которую, согласно семейным преданиям, приезжала мать Гоголя, молясь о рождении будущего сына, и Троицкая, в которой часто бывал сам писатель и куда, по некоторым версиям, заходил кузнец Вакула из повести «Ночь перед Рождеством».

Стоит отметить, что это единственная повесть, действие которой происходит непосредственно в Диканьке, тем не менее, Гоголь вынес название деревни на обложку книги. Судя по всему, это было сделано намеренно, в расчете на интерес российского читателя. Исторически сложилось так, что со времен Екатерины II путь высочайших особ во время поездок в Малороссию всегда пролегал через Диканьку. Сохранилась запись князя И. М. Долгорукого, согласно которой после посещения деревни Екатерина II уверяла, что она «лучше ничего не видала».

Кроме того, Диканька навсегда связана с именем Генерального писаря Войска Запорожского Василия Кочубея, которому она принадлежала с конца XVII века. В поместье Кочубеев был возведен усадебный ансамбль, а под Николаевской церковью находится семейная усыпальница Кочубеев.

«**Повести, изданные пасичником Рудым Паньком**». Гоголь ввел вымышленного автора и издателя *Рудого Панька* по совету поэта, критика и педагога Павел Александрович Плетнева – так проще было объяснить стилистическую и сюжетную неоднородность восьми повестей, действие которых охватывает разные исторические эпохи на протяжении трех столетий – с XVII по XIX век. Имя Рудый Панько выбрано неслучайно, оно отсылает к самому автору. *Панько* – уменьшительное от Панаса, украинизированной формы имени Афанасий – так звали прадеда писателя Афанасия Демьяновича Яновского, сменившего фамилию на Гоголь-Яновский. *Рудий* в переводе с украинского – рыжий, что намекало на рыжеватый цвет волос Гоголя в молодости.

Павел Плетнев

Часть первая

Предисловие

«Это что за невидаль: „Вечера на хуторе близ Диканьки“? Что это за „Вечера“? И швырнул в свет какой-то пасичник! Слава богу! еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! Еще мало народу, всякого звания и сброду, вымарало пальцы в чернилах! Дернула же охота и пасичника потащиться вслед за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в нее».

Слышало, слышало вешее мое все эти речи еще за месяц! То есть, я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть нос из своего захолустья в большой свет – батюшки мои! Это все равно как, случается, иногда зайдешь в покои великого пана: все обступят тебя и пойдут дурачить. Еще бы ничего, пусть уже высшее лакейство, нет, какой-нибудь оборванный мальчишка, посмотреть – дрянь, который копаются на заднем дворе, и тот пристанет; и начнут со всех сторон притопывать ногами. «Куда, куда, зачем? пошел, мужик, пошел!..» Я вам скажу... Да что говорить! Мне легче два раза в год съездить в Миргород, в котором вот уже пять лет как не видал меня ни подсудок из земского суда, ни почтенный иерей*, чем показаться в этот великий свет. А показался – плачь не плачь, давай ответ.

«...ни подсудок из земского суда, ни почтенный иерей...» *Подсудок из земского суда* – старинный земский чин в Российской империи, мог исполнять функции помощника земского судьи или заменять его.

Земский суд – уездный судебно-административный орган России в 1775–1862 годах, избирался дворянами и государственными крестьянами.

Иерей – священнослужитель второй ступени в христианской церковной иерархии, женатый священник, к которому обращались *ваше преподобие*.

А. Волков. Сцена в суде

У нас, мои любезные читатели, не во гнев будь сказано (вы, может быть, и рассердитесь, что пасичник говорит вам запросто, как будто какому-нибудь свату своему или куму), – у нас, на хуторах, водится издавна: как только окончатся работы в поле, мужик залезет отдыхать на всю зиму на печь и наш брат припрячет своих пчел в темный погреб, когда ни журавлей на небе, ни груш на дереве не увидите более, – тогда, только вечер, уже наверно где-нибудь в конце улицы брезжит огонек, смех и песни слышатся издалеча, бренчит балалайка, а подчас и скрипка, говор, шум... Это у нас *вечерницы!** Они, извольте видеть, они похожи на ваши балы; только нельзя сказать чтобы совсем. На балы если вы едете, то именно для того, чтобы повертеть ногами и позевать в руку; а у нас соберется в одну хату толпа девушек совсем не для балу, с веретеном, с гребнями*; и сначала будто и делом займутся: веретена шумят, лютуют песни, и каждая не подымет и глаз в сторону; но только нагрянут в хату парубки с скрипачом – подымется крик, затеется шаль*, пойдут танцы и заведутся такие штуки, что и рассказать нельзя.

«Это у нас вечерницы!» *Вечерницы*, или *вечёрки*, – форма осенне-зимних развлечений, собрание неженатых молодых людей, где они рассказывали сказки и разные истории, пели песни, танцевали, ухаживали, совмещая досуг с домашней работой – вышиванием, шитьем, прядением. Начинались вечерницы поздней осенью и продолжались до Великого поста, делились на будние и праздничные, на которых только развлекались.

И. Репин. Вечерницы

Но лучше всего, когда собьются все в тесную кучку и пустятся загадывать загадки или просто нести болтовню. Боже ты мой! Чего только не расскажут! Откуда старины не выкопают! Каких страхов не нанесут! Но нигде, может быть, не было рассказываемо столько диковин, как на вечерах у пасичника Рудого Панька. За что меня миряне прозвали Рудым Паньком – ей-богу, не умею сказать. И волосы, кажется, у меня теперь более седые, чем рыжие. Но у нас, не извольте гневаться, такой обычай: как дадут кому люди какое прозвище, то и во веки веков останется оно. Бывало, соберутся накануне праздничного дня добрые люди в гости, в пасич-

никову лачужку, усядутся за стол, – и тогда прошу только слушать. И то сказать, что люди были вовсе не простого десятка, не какие-нибудь мужики хуторянские. Да, может, иному, и повыше пасичника, сделали бы честь посещением. Вот, например, знаете ли вы дьяка диканьской церкви, Фому Григорьевича? Эх, голова! Что за истории умел он отпускать! Две из них найдете в этой книжке. Он никогда не носил пестрядевого халата*, какой встретите вы на многих деревенских дьячках; но заходите к нему и в будни, он вас всегда примет в балахоне из тонкого сукна, цвету застуженного картофельного киселя, за которое платил он в Полтаве чуть не по шести рублей за аршин. От сапог его, у нас никто не скажет на целом хуторе, чтобы слышен был запах дегтя; но всякому известно, что он чистил их самым лучшим смальцем*, какого, думаю, с радостью иной мужик положил бы себе в кашу. Никто не скажет также, чтобы он когда-либо утирал нос полою своего балахона, как то делают иные люди его звания; но вынимал из пазухи опрятно сложенный белый платок, вышитый по всем краям красными нитками, и, исправивши что следует, складывал его снова, по обыкновению, в двенадцатую долю и прятал в пазуху. А один из гостей... Ну, тот уже был такой панич, что хоть сейчас нарядить в заседатели или подкомории*. Бывало, поставит перед собою палец и, глядя на конец его, пойдет рассказывать – вычурно да хитро, как в печатных книжках! Иной раз слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападет. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда он слов понабрался таких! Фома Григорьевич раз ему* насчет этого славную сплел присказку: он рассказал ему, как один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латыньщиком, что позабыл даже наш язык православный. Все слова сворачивает на *ус*. Лопата у него – лопатус, баба – бабус. Вот, случилось раз, пошли они вместе с отцом в поле. Латыньщик увидел грабли и спрашивает отца: «Как это, батьку, по-вашему называется?» Да и наступил, разинувши рот, ногою на зубцы. Тот не успел собраться с ответом, как ручка, размахнувшись, поднялась и – хватить его по лбу. «Проклятые грабли! – закричал школьник, ухватясь рукою за лоб и подскокивши на аршин, – как же они, черт бы спихнул с мосту отца их, больно бьются!» Так вот как! Припомнил и имя, голубчик! Такая присказка не по душе пришлась затейливому рассказчику. Не говоря ни слова, встал он с места, расставил ноги свои посередине комнаты, нагнул голову немного вперед, засунул руку в задний карман горохового кафтана* своего, вытащил круглую под лаком табакерку, щелкнул пальцем по намалеванной роже какого-то бусурманского генерала* и, захвативши немалую порцию табаку, растертого с золою и листьями любистка, поднес ее коромыслом к носу и вытянул носом на лету всю кучку, не дотронувшись даже до большого пальца, – и всё ни слова; да как полез в другой карман и вынул синий в клетках бумажный платок, тогда только проворчал про себя чуть ли еще не поговорку: «Не мечите бисер перед свиньями»... «Быть же теперь ссоре», – подумал я, заметив, что пальцы у Фомы Григорьевича так и складывались дать дулю. К счастью, старуха моя догадалась поставить на стол горячий книш с маслом. Все принялись за дело. Рука Фомы Григорьевича, вместо того чтоб показать шиш, протянулась к книшу, и, как всегда водится, начали прихваливать мастерицу хозяйку. Еще был у нас один рассказчик; но тот (нечего бы к ночи и вспоминать о нем) такие выкапывал страшные истории, что волосы ходили по голове. Я нарочно и не помещал их сюда. Еще напугаешь добрых людей так, что пасичника, прости господи, как черта, все станут бояться. Пусть лучше, как доживу, если даст Бог, до нового году и выпущу другую книжку, тогда можно будет пострашать выходцами с того света и дивами, какие творились в старину в православной стороне нашей. Меж ними, статья может, найдете побасенки* самого пасичника, какие рассказывал он своим внукам. Лишь бы слушали да читали, а у меня, пожалуй, – лень только проклятая рыться, – наберется и на десять таких книжек.

«...с веретеном, с гребнями...» *Веретено* – ручное орудие для прядения, деревянная точеная палочка, острая сверху и утолщенная в нижней трети, на которую накидывается нитка.

Гребень – деталь ручной прялки, высокий деревянный стояк с зубьями.

Веретено

Гребень

«...затеется шаль...» *Шаль* – дурь, блажь, взбалмошное поведение.

«Он никогда не носил пестрядевого халата...» *Пестрядевый* – сшитый из пестряди (пеструшки), ткани, сотканной в домашних условиях из пряжи разного цвета.

Пестрядевый сарафан

«От сапог его <...> не слышен был запах дегтя...». *Деготь* – смолистая жидкость, которая образуется при сухой перегонке дерева. Деготь, получаемый из березы, использовался как смазочный материал (колес, деревянных деталей, шпал, сруи и т. д.) и для защиты кожаных изделий, прежде всего обуви. Имел специфический сильный запах.

«...чистил их самым лучшим смальцем...» *Смалец* – вытопленное внутреннее свиное сало. Смешанный со специями или приправами, часто используется в качестве закуски, намазанной на хлеб.

«...в заседатели или подкомории». *Заседатель* – выборный депутат, представитель от населения или сословия в учреждении, ведомстве.

Подкоморий (устар.) – судья, занимавшийся вопросами межевания владений.

«Фома Григорьевич раз ему...» *Фома Григорьевич* – еще одно имя-шифр. Фома – имя греческого происхождения (переводится как «близнец»), отсылающее к апостолу Фоме, не поверившему в Воскресение Иисуса Христа. *Григорий* – греческое имя, которое переводится как «бодрствующий» и метафорически соотносится с образом идеального христианина. Часто встречается в церковных кругах, его носили 16 римских пап и 7 константинопольских патриархов.

Чиновники

«...засунул руку в задний карман горохового кафтана...»
Гороховый кафтан – кафтан серовато-желтого цвета с зеленым оттенком, который был популярен в среде чиновников в XIX веке. Выражение «гороховое пальто» стало синонимом полицейского шпика.

«...какого-то бусурманского генерала...» *Бусурманский* – то есть принадлежащий иной (нехристианской) вере, иноверец, неправоверный.

«...найдете побасенки...» *Побасенка* – короткий занимательный рассказ, забавная история.

Петербургское шоссе

Да, вот было и позабыл самое главное: как будете, господа, ехать ко мне, то прямехонько берите путь по столбовой дороге* на Диканьку. Я нарочно и выставил ее на первом листке, чтобы скорее добрались до нашего хутора. Про Диканьку же, думаю, вы наслышались вдоволь. И то сказать, что там дом почище какого-нибудь пасичникова куреня*. А про сад и говорить нечего: в Петербурге вашем, верно, не сыщете такого. Приехавши же в Диканьку, спросите только первого попавшегося навстречу мальчишку, пасущего в запачканной рубашке гусей: «А где живет пасичник Рудый Панько?» – «А вот там!» – скажет он, указавши пальцем, и, если хотите, доведет вас до самого хутора. Прошу, однако ж, не слишком закладывать назад руки и, как говорится, финтить, потому что дороги по хуторам нашим не так гладки, как перед вашими хоромами. Фома Григорьевич третьего году, приезжая из Диканьки, понаведался-таки в провал с новой таратайкою* своею и гнедою кобылою, несмотря на то что сам правил и что сверх своих глаз надевал по временам еще покупные.

«...по столбовой дороге...» *Столбовая дорога* (устар.) – большая проезжая дорога с верстовыми столбами, почтовый тракт.

Курень

«...какого-нибудь пасичникова куреня». *Курень* – первоначально вид временного жилища, зимовника. Размеры куреней широко варьировались – от небольшого сооружения величиной с современную палатку до огромного дома на несколько сотен человек. В таких куренях жили казаки Запорожской Сечи.

«...в провал с новой таратайкою...» *Таратайка* – легкая двухколесная повозка (простая тележка или кабриолет).

Зато уже как пожалуете в гости, то дынь подадим таких, каких вы отроду, может быть, не ели; а меду, и забожусь, лучшего не сыщете на хуторах. Представьте себе, что как внесешь сот – дух пойдет по всей комнате, вообразить нельзя какой: чист, как слеза или хрусталь дорогой, что бывает в серьгах. А какими пирогами накормит моя старуха! Что за пироги, если б вы только знали: сахар, совершенный сахар! А масло так вот и течет по губам, когда начнешь есть. Подумаешь, право: на что не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху с изюмом и сливами? Или не случилось ли

вам подчас есть путрю с молоком?*" Боже ты мой, каких на свете нет кушаньев! Станешь есть – объяденье, да и полно. Сладость неописанная! Прошлого года... Однако ж что я, в самом деле, разболтался?.. Приезжайте только, приезжайте поскорей; а накормим так, что будете рассказывать и встречному и поперечному.

«...или варенуху с изюмом и сливами?» *Варенуха* – безалкогольный или алкогольный напиток, популярный на Левобережной Украине с XV века, особенно у запорожских казаков. Безалкогольная варенуха готовилась на основе узвара из сухофруктов, в который добавляли красный перец, мяту, тимьян, душицу и специи (гвоздику, корицу), затем парили с медом в печи и подавали горячей или холодной. Для приготовления алкогольной варенухи использовались сушеные яблоки, груши, сливы, вишни и т. д., каждый ингредиент по отдельности заливался водкой, настаивался несколько дней, затем все сливалось в одну емкость и смешивалось с медом, накрывалось крышкой и томилось в печи.

«...есть путрю с молоком?» *Путря* – забытое блюдо украинской кухни из неизмельченной ячменной крупы, которое готовилось главным образом во время Большого поста. Крупу варили, высыпали в деревянную емкость, перемешивали с ржаной мукой, укладывали в деревянную бочку, заливали водой пополам с хлебным квасом и ставили в теплое место.

Пасичник Рудый Панько

На всякий случай, чтобы не помянули меня недобрым словом, выписываю сюда, по азбучному порядку, те слова, которые в книжке этой не всякому понятны.

Банду́ра, инструмент, род гитары.

Бато́г, кнут.

Боля́чка, золотуха.

Бо́ндарь, бочарь.

Бу́блик, круглый крендель, баранчик.

Буря́к, свекла.

Бухане́ц, небольшой хлеб.

Ви́нница, винокурня.

Галу́шки, клёцки.

Голодра́бец, бедняк, бобыль.

Гопа́к, го́рлица, малороссийские танцы.

Дивчи́на, девушка.

Дивча́та, девушки.

Дижá, кадка.

Дрибу́шки, мелкие косы.

Домови́на, гроб.

Ду́ля, шиш.

Дукáт, род медали, носится на шее.

Зна́хор, многознающий, ворожея.

Жи́нка, жена.

Жупáн, род кафтана.

Кагане́ц, род светильни.

Кле́пки, выпуклые дощечки, из коих составлена бочка.

Книш, род печеного хлеба.
Кобза, музыкальный инструмент.
Комбра, амбар.
Кораблик, головной убор.
Кунтуш, верхнее старинное платье.
Коровай, свадебный хлеб.
Кухоль, глиняная кружка.
Лысый дидько, домовый, демон.
Люлька, трубка.
Макитра, горшок, в котором трут мак.
Макабон, пест для растирания мака.
Малахай, плетень.
Миска, деревянная тарелка.
Молодица, замужняя женщина.
Наймыт, нанятой работник.
Наймычка, нанятая работница.
Оселёдец, длинный клочок волос на голове, заматывающийся на ухо.
Очипок, род чепца.
Пампушки, кушанье из теста.
Пасичник, пчеловод.
Парубок, парень.
Плахта, нижняя одежда женщин.
Пекло, ад.
Перекупка, торговка.
Переполох, испуг.
Пейсики, жидовские локоны.
Повётка, сарай.
Полутабёнок, шелковая материя.
Путря, кушанье, род каши.
Рушник, утиральник.
Свитка, род полукафтаны.
Синдячки, узкие ленты.
Сластёны, пышки.
Свблок, перекладина под потолком.
Сливянка, наливка из слив.
Смушки, бараний мех.
Соняшница, боль в животе.
Сопилка, род флейты.
Стусан, кулак.
Стрички, ленты.
Тройчатка, тройная плетень.
Хлопец, парень.
Хутор, небольшая деревушка.
Хустка, платок носовой.
Цибуля, лук.
Чумаки, обозники, едущие в Крым за солью и рыбою.
Чуприна, чуб, длинный клочок волос на голове.
Шишка, небольшой хлеб, делаемый на свадьбах.
Юшка, соус, жижа.

Ятка, род палатки или шатра.

Сорочинская ярмарка*

В. Штернберг. Ярмарка в Украине

«Сорочинская ярмарка». *Сорочинец* – село в Миргородском районе Полтавской области, сейчас называется Великие Сорочинцы. Здесь в 1809 году родился Николай Васильевич Гоголь, часто навещался сюда в детстве и очень любил эти места. Тогда в Сорочинце проживало около 4 500 человек, развивались гончарный, бондарный и винокурный промыслы. С середины XVIII века здесь ежегодно проходило по пять ярмарок.

Сорочинская ярмарка

I

Мені нудно в хаті жить.

*Ой, вези ж мене із дому,
Де багацько грому, грому,
Де гопцюють все дівки,
Де гуляють парубки!¹*

Из старинной легенды

Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землею, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих! На нем ни облака. В поле ни речи. Все как будто умерло; вверху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдаётся в степи. Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие темную, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщет золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало – река в зеленых, гордо поднятых рамах... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!

Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысячу восемьсот... восемьсот... Да, лет тридцать будет назад тому, когда дорога, верст за десять до местечка Сорочинец, кипела народом, поспешавшим со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку. С утра еще тянулись нескончаемую вереницею чумаки с солью и рыбою. Горы горшков, закутанных в сено, медленно двигались, кажется, скучая своим заключением и темнотою; местами только какая-нибудь расписанная ярко миска или макитра* хвастливо выказывалась из высоко взгроможденного на возу плетня и привлекала умиленные взгляды поклонников роскоши. Много прохожих поглядывало с завистью на высокого гончара*, владельца сих драгоценностей, который медленными шагами шел за своим товаром, заботливо окутывая глиняных своих щеголей и кокеток ненавистным для них сеном.

Макитра

«...расписанная ярко миска или макитра...» Миска – глубокая посуда в виде большой тарелки или маленького таза, изготовлялась из глины, дерева, фарфора, позднее из металла.

---

¹ Мне тоскливо жить в хате, вези меня из дому туда, где много шума, где все девушки танцуют, где парни веселятся! (Укр.)

Макитра – широкая глиняная миска, шероховатая внутри, для перетирания мака и других семян с помощью макогона (пестика).

«...на **высокого гончара...**» *Гончар* – мастер по изготовлению керамических изделий (посуды, кафеля, игрушек, украшений). В Украине XIX века – одна из важнейших отраслей кустарного производства, мощно развивавшаяся на Полтавщине, особенно после того как там были обнаружены большие залежи разных сортов глины.

Одинок в стороне тащился на истомленных волах воз, наваленный мешками, пенькою*, полотном и разною домашнею поклажею, за которым брел, в чистой полотняной рубашке и запачканных полотняных шароварах, его хозяин. Ленивою рукой обтирал он катившийся градом пот со смуглого лица и даже капавший с длинных усов, напудренных тем неумолимым парикмахером, который без зову является и к красавице и к уроду и насильно пудрит несколько тысяч уже лет весь род человеческий. Рядом с ним шла привязанная к возу кобыла, смиренный вид которой обличал преклонные лета ее. Много встречных, и особливо молодых парубков, брались за шапку, поравнявшись с нашим мужиком. Однако ж не седые усы и не важная поступь его заставляли это делать; стоило только поднять глаза немного вверх, чтоб увидеть причину такой почтительности: на возу сидела хорошенькая дочка с круглым личиком, с черными бровями, ровными дугами поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбавшимися розовыми губками, с повязанными на голове красными и синими лентами, которые, вместе с длинными косами и пучком полевых цветов, богатою короною покоились на ее очаровательной головке. Все, казалось, занимало ее; все было ей чудно, ново... и хорошенькие глазки беспрестанно бегали с одного предмета на другой. Как не рассеяться! в первый раз на ярмарке! Девушка в осмнадцать лет в первый раз на ярмарке!.. Но ни один из прохожих и проезжих не знал, чего ей стоило упросить отца взять с собою, который и душою рад бы был это сделать прежде, если бы не злая мачеха, выучившаяся держать его в руках так же ловко, как он вожжи своей старой кобылы, тащившейся, за долгое служение, теперь на продажу. Неугомонная супруга... но мы и позабыли, что и она тут же сидела на высоте воза, в нарядной шерстяной зеленой кофте, по которой, будто по горностаевому меху*, нашиты были хвостики, красного только цвета, в богатой плахте, пестревшей, как шахматная доска, и в ситцевом цветном очипке, придававшем какую-то особенную важность ее красному, полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь неприятное, столь дикое, что каждый тотчас спешил перенести встревоженный взгляд свой на веселенькое личико дочки.

«...наваленный мешками, пенькою...» *Пенька* – грубое лубяное волокно, получаемое из стеблей конопли методом продолжительного (до трех лет) отмачивания конопляной массы в проточной воде. Отличается повышенной прочностью и устойчивостью к соленой воде, поэтому нашла применение в морском деле (канаты, веревки). Используется в производстве ткани (мешковины), одежды (в Средние века из нее шили дешевые доспехи).

А. Соколов. Портрет императора Александра III

«...будто по горностаевому меху...» Горностаевый мех – редкий и очень ценный мех, ставший атрибутом роскоши и власти; им подбивали мантии государей, представителей высшей знати, судей.

Глазам наших путешественников начал уже открываться Псёл*; издали уже веяло прохладой, которая казалась ощутительнее после томительного, разрушающего жара. Сквозь темно- и светло-зеленые листья небрежно раскиданных по лугу осокоров*, берез и тополей засверкали огненные, одетые холодом искры, и река-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри дерев. Своенравная, как она в те упоительные часы, когда верное зеркало так завидно заключает в себе ее полное гордости и ослепительного блеска чело, лилейные плечи* и мраморную шею, осененную темною, упавшею с русой головы волною, когда с презрением кидает одни украшения, чтобы заменить их другими, и капризам ее конца нет, – она почти каждый год переменила свои окрестности, выбирая себе новый путь и окружая себя новыми, разнообразными ландшафтами. Ряды мельниц подымали на тяжелые колеса свои широкие волны и мощно кидали их, разбивая в брызги, обсыпая пылью и обдавая шумом окрестность. Воз с знакомыми нам пассажирами взъехал в это время на мост, и река во всей красоте и величии, как цельное стекло, раскинулась перед ними. Небо, зеленые и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы – все опрокинулось, стояло и ходило вверх ногами, не падая в голубую прекрасную бездну. Красавица наша задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечник, которым исправно занималась во все продолжение пути, как вдруг слова: «Ай да дивчина!» – поразили слух ее. Оглянувшись, увидела она толпу стоявших на мосту парубков, из которых один, одетый пощеголеватее прочих, в белой свитке и в серой шапке решетиловских смушек*, подпершись в бока, молодецки поглядывал на проезжающих. Красавица не могла не заметить его загоревшего, но исполненного приятности лица и огненных очей, казалось, стремившихся видеть ее насквозь, и потупила глаза при мысли, что, может быть, ему принадлежало произнесенное слово.

«...начал уже открываться Псёл...» *Псёл* – река, протекающая по территории России и Украины (в Сумской и Полтавской областях), левый приток Днепра. Село Великие Сорочинцы раскинулось на правом берегу Псёла.

«...раскиданных по лугу осокоров...» *Осокорь* (укр. *осокір*) – тополь черный, дерево семейства ивовых, высотой 15–25 м. Растет в основном на берегах рек и озер.

Осокорь

«...лилейные плечи...» *Лилейный* (устар.) – белизной и нежностью напоминающий лилию, нежно-белого цвета. Используется в образной речи.

«...в серой шапке решетиловских смушек...» *Решетиловские смушки* – шкурки ягнят смушковой породы, убитых в первые дни после рождения, одной из лучших пород овец – решетиловской.

– Славная дивчина! – продолжал парубок в белой свитке, не сводя с нее глаз. – Я бы отдал все свое хозяйство, чтобы поцеловать ее. А вот впереди и дьявол сидит!

Хохот поднялся со всех сторон; но разряженной сожительнице медленно выступавшего супруга не слишком показалось такое приветствие: красные щеки ее превратились в огненные, и треск отборных слов посыпался дождем на голову разгульного парубка:

– Чтоб ты подавился, негодный бурлак*! Чтоб твоего отца горшком в голову стукнуло! Чтоб он подскользнулся на льду, антихрист проклятый! Чтоб ему на том свете черт бороду обжег!

«Чтоб ты подавился, негодный бурлак!» *Негодный бурлак* (искаж. укр. *негідний бурлака*) – мерзкий бродяжка.

– Вишь, как ругается! – сказал парубок, вытаращив на нее глаза, как будто озадаченный таким сильным залпом неожиданных приветствий, – и язык у нее, у столетней ведьмы, не заболит выговорить эти слова.

– Столетней! – подхватила пожилая красавица. – Нечестивец! поди умойся наперед! Сорванец негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что дрянь! и отец дрянь! и тетка дрянь! Столетней! что у него молоко еще на губах...

Тут воз начал спускаться с мосту, и последних слов уже невозможно было расслушать; но парубок не хотел, кажется, кончить этим: не думая долго, схватил он комок грязи и швырнул вслед за нею. Удар был удачнее, нежели можно было предполагать: весь новый ситцевый очипок забрызган был грязью, и хохот разгульных повес удвоился с новой силой. Дородная щеголиха вскипела гневом; но воз отъехал в это время довольно далеко, и месть ее обратилась на безвинную падчерицу и медленного сожителя, который, привыкнув издавна к подобным явлениям, сохранял упорное молчание и хладнокровно принимал мятежные речи разгневанной супруги. Однако ж, несмотря на это, неутомимый язык ее трещал и болтался во рту до тех пор, пока не приехали они в пригородье к старому знакомому и куму, козаку Цыбуле*. Встреча с кумовьями, давно не видавшимися, выгнала на время из головы это неприятное происшествие, заставив наших путешественников поговорить об ярмарке и отдохнуть немного после дальнего пути.

«...где под полотняными ятками...» *Ятка* – палатка, временное торговое место на базаре.

II

*Що, боже ти мій, госпode! чого
нема на тій ярмарці!
Колеса, скло, дьоготь, тютюн,
ремінь, цибуля, крамарі всякі...
так, що хоч би в кишені було рублів
і з тридцять, то й тоді б не закупив
усієн ярмарки.²*

Из малороссийской комедии

Вам, верно, случалось слышать где-то валящийся отдаленный водопад, когда встревоженная окрестность полна гула и хаос чудных неясных звуков вихрем носится перед вами. Не правда ли, не те ли самые чувства мгновенно обхватят вас в вихре сельской ярмарки, когда весь народ срастается в одно огромное чудовище и шевелится всем своим туловищем на площади и по тесным улицам, кричит, гогочет, гремит? Шум, брань, мычание, бляение, рев – все сливается в один нестройный говор. Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки – все ярко, пестро, нестройно; мечется кучами и снуется перед глазами. Разноголосные речи потопляют друг друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется от этого потопа; ни один крик не выговорится ясно. Только хлопанье по рукам торгашей слышится со всех сторон ярмарки. Ломается воз, звенит железо, гремят сбрасываемые на землю доски, и закружившаяся голова недоумевает, куда обратиться. Приезжий мужик наш с чернобровою дочкой давно уже толкался в народе. Подходил к одному возу, щупал другой, применивался к ценам; а между тем мысли его ворочались безостановочно около десяти мешков пшеницы и старой кобылы, привезенных им на продажу. По лицу его дочери заметно было, что ей не слишком приятно тереться около возов с мукою и пшеницею. Ей бы хотелось туда, где под полотняными ятками* нарядно развешаны красные ленты, серьги, оловянные, медные кресты и дукаты*. Но и тут, однако ж, она находила себе много предметов для наблюдения: ее смешило до крайности, как цыган и мужик били один другого по рукам, вскрикивая сами от боли; как пьяный жид давал

---

² Господи, боже мой, чего нет на той ярмарке! Колеса, стекло, деготь, табак, ремень, лук, торговцы всякие... так, что если бы в кармане было хоть тридцать рублей, то и тогда бы не закупил всей ярмарки (*укр.*).

бабе киселя*»; как поссорившиеся перекупки перекидывались бранью и раками; как москаль*, поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою... Но вот почувствовала она, кто-то дернул ее за шитый рукав сорочки. Оглянулась – и парубок в белой свитке, с яркими очами стоял перед нею. Жилки ее вздрогнули, и сердце забилось так, как еще никогда, ни при какой радости, ни при каком горе: и чудно и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что делалось с нею.

«...и куму, козаку Цыбуле». *Цыбуля* (укр. *цибуля*) – лук.

Дукаты. XVIII–XIX века

«...медные кресты и дукаты». *Дукат* (устар.) – женское украшение в виде монеты.

«...давал бабе киселя». *Давать киселя* (устар.) – ударить коленом под зад.

«...как поссорившиеся перекупки...» Перекупка – торговка.

«...как москаль...» *Москаль* – солдат; россиянин.

– Не бойся, серденько, не бойся! – говорил он ей вполголоса, взявши ее руку, – я ничего не скажу тебе худого!

«Может быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого, – подумала про себя красавица, – только мне чудно... верно, это лукавый! Сама, кажется, знаешь, что не годится так... а силы недостает взять от него руку».

Мужик оглянулся и хотел что-то промолвить дочери, но в стороне послышалось слово «пшеница». Это магическое слово заставило его в ту же минуту присоединиться к двум громко разговаривавшим негоциантам, и приковавшегося к ним внимания уже ничто не в состоянии было развлечь. Вот что говорили негоцианты о пшенице.

III

*Чи бачиш, він який парнище?
На світі трохи єсть таких.
Сивуху так, мов брагу, хлеще!³*
Котляревский, Энеида*

Котляревский, Энеида – речь идет о выдающемся произведении украинской литературы XVIII–XIX веков, поэме-бурлеске «Энеида», написанной украинским поэтом, драматургом и переводчиком Иваном Петровичем Котляревским (1769–1838) на сюжет одноименной поэмы Вергилия. Первые три части поэмы вышли без ведома автора в 1798 году, сам Котляревский подготовил издание четырех частей поэмы в 1809-м – в год рождения Гоголя.

Когда будущий писатель учился в Полтавском поветовом училище, Котляревский был одним из директоров Полтавского театра, где состоялась премьера двух его пьес – «Наталка-Полтавка» и «Москаль-чарівник». Котляревский оказал заметное влияние на творчество Гоголя – в его тетрадах сохранилось 22 эпитафия, выписанных из текста «Энеиды». Есть все основания полагать, что Гоголь задумывал комическую бытовую повесть, литературным фоном которой служила бы поэма Котляревского, сыгравшая ключевую роль в переходе от староукраинского к современному украинскому языку и увлекавшая живым, неформальным изображением народной жизни. Из 22 выписанных эпитафий Гоголь использовал три – к разным частям «Сорочинской ярмарки», содержание которых перекликается с сюжетом поэмы.

Но главное, что сближает двух великих авторов, – это природа смеха, уходящего корнями в бурлеск. Это смех, органично связанный с народной смеховой культурой, сплавившей высокое и низкое, комическое и серьезное, обыденное и героическое.

Иван Котляревский

---

³ Видишь ты, какой парнище? На свете мало таких. Сивуху, словно брагу, хлещет! (*Укр.*)

– Так ты думаешь, земляк, что плохо пойдет наша пшеница? – говорил человек, с вида похожий на заезжего мещанина, обитателя какого-нибудь местечка, в пестрядевых, запачканных дегтем и засаленных шароварах, другому, в синей, местами уже с заплатами, свитке и с огромною шишкою на лбу.

– Да думать нечего тут; я готов вскинуть на себя петлю и болтаться на этом дереве, как колбаса перед Рождеством на хате, если мы продадим хоть одну мерку*.

«...хоть одну мерку». *Мерка* (истор.) – старинная единица объема сыпучих тел, приблизительно равная одному пуду (16 кг) зерна.

– Кого ты, земляк, морочишь? Привозу ведь, кроме нашего, нет вовсе, – возразил человек в пестрядевых шароварах.

«Да, говорите себе что хотите, – думал про себя отец нашей красавицы, не пропускавший ни одного слова из разговора двух негоциантов, – а у меня десять мешков есть в запасе».

– То-то и есть, что если где замешалась чертовщина, то ожидай столько проку, сколько от голодного москаля, – значительно сказал человек с шишкою на лбу.

– Какая чертовщина? – подхватил человек в пестрядевых шароварах.

– Слышал ли ты, что поговаривают в народе? – продолжал с шишкою на лбу, наводя на него искоса свои угрюмые очи.

– Ну!

– Ну, то-то ну! Заседатель, чтоб ему не довелось обтирать губ после панской сливянки, отвел для ярмарки проклятое место, на котором, хоть тресни, ни зерна не спустишь. Видишь ли ты тот старый, развалившийся сарай, что вон-вон стоит под горою? (Тут любопытный отец нашей красавицы подвинулся еще ближе и весь превратился, казалось, во внимание.) В том сарае то и дело что водятся чертовские шашни; и ни одна ярмарка на этом месте не проходила без беды. Вчера волостной писарь* проходил поздно вечером, только глядь – в слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло так, что у него мороз подрал по коже; того и жди, что опять покажется *красная свитка!*

«Вчера волостной писарь...» *Волостной писарь* – помощник волостного старшины, выборного чиновника, возглавляющего волость. В обязанности писаря входило составление ведомостей об урожаях, численности скота, движении населения, взыскании податей и т. д., а также подготовка дел для подачи в волостной суд, что нередко превращало должность писаря в источник обогащения.

П. Мартынович. У волостного писаря

– Что ж это за красная свитка?

Тут у нашего внимательного слушателя волосы поднялись дыбом; со страхом оборотился он назад и увидел, что дочка его и парубок спокойно стояли, обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки, позабыв про все находящиеся на свете свитки. Это разогнало его страх и заставило обратиться к прежней беспечности.

– Эге-ге-ге, земляк! да ты мастер, как вижу, обниматься! А я на четвертый только день после свадьбы выучился обнимать покойную свою Хвеську, да и то спасибо куму: бывши дружкою*, уже надоумил.

«...бывши дружкою...» *Дружка* – один из главных участников и распорядителей свадебного обряда у славян, представитель со стороны жениха. Он должен был следить за соблюдением всех обычаев, оберегать жениха и невесту от порчи, веселить и развлекать гостей.

К. Трутовский. Свадебный выкуп

Парубок заметил тот же час, что отец его любезной не слишком далек, и в мыслях принялся строить план, как бы склонить его в свою пользу.

– Ты, верно, человек добрый, не знаешь меня, а я тебя тотчас узнал.

– Может, и узнал.

– Если хочешь, и имя, и прозвище, и всякую всячину расскажу: тебя зовут Солопий Черевик*.

– Так, Солопий Черевик.

– А взглядишь-ко хорошенько: не узнаешь ли меня?

– Нет, не познаю. Не во гнев будь сказано, на веку столько довелось наглядеться рож всяких, что черт их и припомнит всех!

– Жаль же, что ты не припомнишь Голопупенкова сына*!

– А ты будто Охримов сын?

– А кто ж? Разве один только лысый дидько*, если не он.

«...тебя зовут Солопий Черевик». *Солопий Черевик* – имя, как и большинство имен у Гоголя, тоже говорящее. Простонародное *Солопий* созвучно и холопу, и салопу – широкой верхней женской одежде, а *черевик* – название женской обуви, которую носили мещанки и панночки. Таким образом, имя указывает на простоватость и слабохарактерность Солопия, мужлана-подкаблучника.

«...ты не припомнишь Голопупенкова сына!» *Григорий Голопупенко* – обладатель греческого имени, которое переводится как «бодрствующий, энергичный», и казацкой фамилии, которая служит эвфемизмом бедняка, голоштанника. Имя Григорий, в свою очередь, тоже не такое простое: с одной стороны, оно отсылает к монахам, пастырям и многочисленным папам римским, другой – его сниженная простонародная версия Грицько считалась эвфемизмом черта.

«Разве один только лысый дидько...» *Лысый дидько* – производное от украинского фразеологизма дідька лисого, который, как и его русский вариант черта лысого, означает полное отрицание: ни за что, никогда. Гоголь предлагает его буквальный перевод: лысый черт.

Тут приятели побрались за шапки, и пошло лобызание; наш Голопупенков сын, однако ж, не теряя времени, решил в ту же минуту осадить нового своего знакомого.

– Ну, Солопий, вот, как видишь, я и дочка твоя полюбили друг друга так, что хоть бы и навеки жить вместе.

– Что ж, Параска, – сказал Черевик, оборотившись и смеясь к своей дочери, – может, и в самом деле, чтобы уже, как говорят, вместе и того... чтобы и паслись на одной траве! Что? по рукам? А ну-ка, новобранный зять, давай магарычу!

И все трое очутились в известной ярмарочной ресторации – под яткою у жидовки, усеянную многочисленной флотилией сулей, бутылей, флажек всех родов и возрастов.

– Эх, хват! за это люблю! – говорил Черевик, немного подгулявши и видя, как нареченный зять его налил кружку величиною с полкварти* и, нимало не поморщившись, выпил до дна, хватив потом ее вдребезги. – Что скажешь, Параска? Какого я жениха тебе достал! Смотри, смотри, как он молодецки тянет пенную*!..

И, посмеиваясь и покачиваясь, побрел он с нею к своему возу, а наш парубок отправился по рядам с красными товарами*, в которых находились купцы даже из Гадяча и Миргорода* – двух знаменитых городов Полтавской губернии, – выглядывать лучшую деревянную люльку в медной щегольской оправе, цветистый по красному полю платок и шапку для свадебных подарков тестю и всем, кому следует.

«...усеянную многочисленной флотилией сулей...» *Суля* – большая бутылка.

«...налил кружку величиною с полкварти...» *Полкварти* – примерно пол-литра.

«...как он молодецки тянет пенную!...» *Пенная* – хлебная водка.

«...по рядам с красными товарами...» *Красный товар* (устар.) – ткани, мануфактура.

«...из Гадяча и Миргорода...» *Гадяч* – город в Полтавской области, резиденция многих гетманов Украины, в середине XVII века – столица Левобережной гетманщины. В описываемое в повести время в городе проживало около 5 000 человек, действовало несколько заводов и проводилось по 5 ярмарок в год.

Миргород – город в Полтавской области, одно из старейших поселений Левобережной Украины. В XVI веке был центром реестрового казачьего полка, в XVII веке жившие тут казаки участвовали в восстаниях против польской шляхты, против крепостнической политики Москвы, боролись за восстановление независимости Украины. С XVIII века Миргород становится крупным торговым, ремесленным и хлебобобовым центром Левобережной Украины, проводит по 4 ежегодные ярмарки.

Гадяч. Успенский собор

Миргород

IV

*Хоть чоловікам не онее,
Та коли жінци, бачиш, тее,
Так треба угодити...⁴*

Котляревский

– Ну, жинка! а я нашел жениха дочке!

– Вот как раз до того теперь, чтобы женихов отыскивать! Дурень, дурень! тебе, верно, и на роду написано остаться таким! Где ж таки ты видел, где ж таки ты слышал, чтобы добрый

---

⁴ Хоть мужьям и не нравится, но коль жена, видишь ли, хочет того, то нужно угодить... (укр.).

человек бегал теперь за женихами? Ты подумал бы лучше, как пшеницу с рук сбыть; хорош должен быть и жених там! Думаю, оборваннейший из всех голодрабцев*.

– Э, как бы не так, посмотрела бы ты, что там за парубок! Одна свитка больше стоит, чем твоя зеленая кофта и красные сапоги. А как сивуху *важно* дует!.. Черт меня возьми вместе с тобою, если я видел на веку своем, чтобы парубок духом вытянул полкварти не поморщившись.

– Ну, так: ему если пьяница да бродяга, так и его масти. Бьюсь об заклад, если это не тот самый сорванец, который увязался за нами на мосту. Жаль, что до сих пор он не попадетя мне: я бы дала ему знать.

– Что ж, Хивря, хоть бы и тот самый; чем же он сорванец?

– Э! чем же он сорванец! Ах ты, безмозглая башка! слышишь! чем же он сорванец! Куда же ты запрятал дурацкие глаза свои, когда проезжали мы мельницы; ему хоть бы тут же, перед его запачканным в табачище носом, нанесли жинке его бесчестье, ему бы и нуждочки не было.

– Всё, однако же, я не вижу в нем ничего худого; парень хоть куда! Только разве что заклеил на миг образину твою навозом.

– Эге! да ты, как я вижу, слова не даешь мне выговорить! А что это значит? Когда это бывало с тобою? Верно, успел уже хлебнуть, не продавши ничего...

«...оборваннейший из всех голодрабцев». *Голодрабец* – бедняк, голодранец.

Тут Черевик наш заметил и сам, что разговорился чересчур, и закрыл в одно мгновение голову свою руками, предполагая, без сомнения, что разгневанная сожительница не замедлит вцепиться в его волосы своими супружескими когтями.

«Туда к черту! Вот тебе и свадьба! – думал он про себя, уклоняясь от сильно наступавшей супруги. – Придется отказать доброму человеку ни за что ни про что. Господи боже мой, за что такая напасть на нас грешных! и так много всякой дряни на свете, а ты еще и жинок наплодил!»

V

*Не хилися, явороньку,
Ще ти зелененький;
Не журися, козаченьку,
Ще ти молоденький!*⁵

Малороссийская песня

Рассеянно глядел парубок в белой свитке, сидя у своего воза, на глухо шумевший вокруг него народ. Усталое солнце уходило от мира, спокойно пропылав свой полдень и утро; и угасающий день пленительно и ярко румянился. Ослепительно блистали верхи белых шатров и яток, осененные каким-то едва приметным огненно-розовым светом. Стекла наваленных кучами оконниц горели; зеленые фляжки и чарки на столах у шинкарок* превратились в огненные; горы дынь, арбузов и тыкв казались вылитыми из золота и темной меди. Говор приметно становился реже и глуше, и усталые языки перекупок, мужиков и цыган ленивее и медленнее поворачивались. Где-где начинал сверкать огонек, и благовонный пар от варившихся галушек разносился по утихавшим улицам.

«...на столах у шинкарок...» *Шинкарка* (устар.) – жена шинкаря; содержательница шинка, или корчмы, питейного заведения с вольной продажей крепких напитков, которое иногда выполняло роль постоянного двора.

⁵ Не клонись, явор, ты еще зелененький; не печалься, козак, ты еще молоденький! (*Укр.*)

В. Штернберг. Малороссийский шинок

– О чем загорюнился, Грицько? – вскричал высокий загоревший цыган, ударив по плечу нашего парубка. – Что ж, отдавай волы за двадцать!

– Тебе бы всё волы да волы. Вашему племени всё бы корысть только. Поддеть да обмануть доброго человека.

– Тьфу, дьявол! да тебя не на шутку забрало. Уж не с досады ли, что сам навязал себе невесту?

– Нет, это не по-моему: я держу свое слово; что раз сделал, тому и навеки быть. А вот у хрыча Черевика нет совести, видно, и на полшеляга*: сказал, да и назад... Ну, его и винить нечего, он пень, да и полно. Все это штуки старой ведьмы, которую мы сегодня с хлопцами на мосту ругнули на все бока! Эх, если бы я был царем или паном великим, я бы первый перевешал всех тех дурней, которые позволяют себя седлать бабам...

– А спустишь волов за двадцать, если мы заставим Черевика отдать нам Параску?

«...нет совести, видно, и на полшеляга». *Шеляг* – в XIX веке народное название российской копейки в Украине. Более крупная денежная единица называлась копой (кипником). Одна копа равнялась 50 шелягам (копейкам).

1 копейка. 1830 год

В недоумении посмотрел на него Грицько. В смуглых чертах цыгана было что-то злобное, язвительное, низкое и вместе высокомерное: человек, взглянувший на него, уже готов был сознаться, что в этой чудной душе кипят достоинства великие, но которым одна только награда есть на земле – виселица. Совершенно провалившийся между носом и острым подбородком рот, вечно осененный язвительною улыбкой, небольшие, но живые, как огонь, глаза и беспрестанно меняющиеся на лице молнии предприятий и умыслов – все это как будто требовало особенного, такого же странного для себя костюма, какой именно был тогда на нем. Этот темно-коричневый кафтан*, прикосновение к которому, казалось, превратило бы его в пыль; длинные, валившиеся по плечам охлопьями черные волосы; башмаки, надетые на босые загорелые ноги, – все это, казалось, приросло к нему и составляло его природу.

«Этот темно-коричневый кафтан...» *Кафтан* – старинная мужская долгополая одежда, обычно верхняя одежда крестьян.

Казацкий кафтан

– Не за двадцать, а за пятнадцать отдам, если не солжешь только! – отвечал парубок, не сводя с него испытующих очей.

– За пятнадцать? ладно! Смотри же, не забывай: за пятнадцать! Вот тебе и синица в задаток!

– Ну, а если солжешь?

– Солгу – задаток твой!

– Ладно! Ну, давай же по рукам!

– Давай!

VI

*От біда, Роман іде, от тепер
як раз насадить мені бебехів,
та й вам, пане Хомо, не без*

лиха буде.⁶
Из малороссийской комедии

– Сюда, Афанасий Иванович!* Вот тут плетень пониже, поднимайте ногу, да не бойтесь: дурень мой отправился на всю ночь с кумом под возы, чтоб москали на случай не подцепили чего.

«Сюда, Афанасий Иванович!» Имя поповича *Афанасий* (греч. «бессмертный») было широко распространено в кругах русского духовенства. Оно восходит к святому Афанасию Великому, одному из Отцов Церкви, предположительно автору «Афанасьевского символа веры». Попович у Гоголя – полный антипод святого, носитель других «бессмертных» качеств – сластолюбия, глупости, трусости.

Так грозная сожительница Черевика ласково ободряла трусливо лепившегося около забора поповича, который поднялся скоро на плетень и долго стоял в недоумении на нем, будто длинное страшное привидение, измеривая оком, куда бы лучше прыгнуть, и, наконец, с шумом обрушился в бурьян.

– Вот беда! Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, боже оборони, шеи? – лепетала заботливая Хивря.

– Тс! ничего, ничего, любезнейшая Хавронья Никифоровна!* – болезненно и шепотно произнес попович, подымаясь на ноги, – выключая только уязвления со стороны крапивы, сего змиеподобного злака, по выражению покойного отца протопопа*.

– Пойдемте же теперь в хату; там никого нет. А я думала было уже, Афанасий Иванович, что к вам *болячка* или *соняшница* пристала*: нет, да и нет. Каково же вы поживаете? Я слышала, что пан-отцу* перепало теперь немало всякой всячины!

– Суцая безделица, Хавронья Никифоровна; батюшка всего получил за весь пост мешков пятнадцать ярового, проса мешка четыре, книшей с сотню, а кур, если сосчитать, то не будет и пятидесяти штук, яйца же большею частью протухлые. Но воистину сладостные приношения, сказать примерно, единственно от вас предстоит получить, Хавронья Никифоровна! – продолжал попович, умильно поглядывая на нее и подсовываясь поближе.

– Вот вам и приношения, Афанасий Иванович! – проговорила она, ставя на стол миски и жеманно застегивая свою будто ненарочно расстегнувшуюся кофту, – варенички, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички!*

«...любезнейшая Хавронья Никифоровна!» *Хавронья Никифоровна* наделена бафосным (символически-комическим) именем, совмещающим две крайности. *Хавронья* – это зооним свиньи, который связан с представлением о «сатане в образине свиньи» (вспомните появление в окне «страшной свиной рожи»). *Никифор* – старинное православное имя, которое в переводе с греческого означает: тот, кто несет победу, то есть победоносец.

«...по выражению покойного отца протопопа». *Протопоп* – то же, что и протоиерей, старший священник, настоятель храма.

«...что к вам болячка или соняшница пристала...» *Болячка* – небольшая незаживающая ранка на коже, нарыв, чирей.

Соняшница – сонная болезнь, летаргия (бесчувственное состояние, по внешним признакам близкое к смерти).

⁶ Вот беда: Роман идет, вот теперь он как раз поколотит меня, да и вам, пан Фома, не ждать добра (*укр.*)

«...что пан-отцу...» *Пан-отец* (укр. *панотець*) – священник, поп.

«...товченички!» *Товченик* – блюдо из рубленого и толченого мяса, перемешанного с мукой и специями, из которого делают шарики и варят.

– Бьюсь об заклад, если это сделано не хитрейшими руками из всего Евина рода! – сказал попович, принимаясь за товченички и подвигая другою рукою варенички. – Однако ж, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждет от вас кушанья послаще всех пампушечек и галушечек.

– Вот я уже и не знаю, какого вам еще кушанья хочется, Афанасий Иванович! – отвечала дородная красавица, притворяясь непонимающею.

– Разумеется, любви вашей, несравненная Хавронья Никифоровна! – шепотом произнес попович, держа в одной руке вареник, а другою обнимая широкий стан ее.

– Бог знает что вы выдумываете, Афанасий Иванович! – сказала Хивря, стыдливо потупив глаза свои. – Чего доброго! вы, пожалуй, затеете еще целоваться!

– Насчет этого я вам скажу хоть бы и про себя, – продолжал попович, – в бытность мою, примерно сказать, еще в бурсе, вот как теперь помню...

Тут послышался на дворе лай и стук в ворота. Хивря поспешно выбежала и возвратилась вся побледневшая.

– Ну, Афанасий Иванович! мы попались с вами; народу стучится куча, и мне почудился кумов голос...

Вареник остановился в горле поповича... Глаза его выпялились, как будто какой-нибудь выходец с того света только что сделал ему перед сим визит свой.

– Полезайте сюда! – кричала испуганная Хивря, указывая на положенные под самым потолком на двух перекладах доски, на которых была навалена разная домашняя рухлядь.

Опасность придала духу нашему герою. Опамятававшись немного, вскочил он на лежанку и полез оттуда осторожно на доски; а Хивря побежала без памяти к воротам, потому что стук повторялся в них с большею силою и нетерпением.

VII

*Та тут чудасія, мосьпане!⁷
Из малороссийской комедии*

На ярмарке случилось странное происшествие: все наполнилось слухом, что где-то между товаром показалась *красная свитка*. Старухе, продававшей бублики, почудился сатана в образе свиньи, который беспрестанно наклонялся над возами, как будто искал чего. Это быстро разнеслось по всем углам уже утихнувшего табора; и все считали преступлением не верить, несмотря на то что продавица бубликов, которой подвижная лавка была рядом с яткою шинкарки, раскланивалась весь день без надобности и писала ногами совершенное подобие своего лакомого товара. К этому присоединились еще увеличенные вести о чуде, виденном волостным писарем в развалившемся сарае, так что к ночи все теснее жались друг к другу; спокойствие разрушилось, и страх мешал всякому сомкнуть глаза свои; а те, которые были не совсем храброго десятка и запаслись ночлегами в избах, убрались домой. К числу последних принадлежал и Черевик с кумом и дочкою, которые вместе с напросившимися к ним в хату гостями произвели сильный стук, так перепугавший нашу Хиврю. Кума уже немного поразобрало. Это можно было видеть из того, что он два раза проехал с своим возом по двору, покамест нашел хату. Гости тоже были в веселом расположении духа и без церемонии вошли прежде самого

---

⁷ Да тут чудеса, милостивый государь! (Укр.)

хозяина. Супруга нашего Черевика сидела как на иголках, когда принялись они шарить по всем углам хаты.

– Что, кума, – вскричал вошедший кум, – тебя все еще трясет лихорадка?

– Да, нездоровится, – отвечала Хивря, беспокойно поглядывая на наложенные под потолком доски.

– А ну, жена, достань-ка там в возу баклажку! – говорил кум приехавшей с ним жене, – мы черпнем ее с добрыми людьми; проклятые бабы понапугали нас так, что и сказать стыдно. Ведь мы, ей-богу, братцы, по пустякам приехали сюда! – продолжал он, прихлебывая из глиняной кружки. – Я тут же ставлю новую шапку, если бабам не вздумалось посмеяться над нами. Да хоть бы и в самом деле сатана: что сатана? Плюйте ему на голову! Хоть бы сию же минуту вздумалось ему стать вот здесь, например, передо мною: будь я собачий сын, если не поднес бы ему дулю под самый нос!

– Отчего же ты вдруг побледнел весь? – закричал один из гостей, превышавший всех головою и старавшийся всегда выказывать себя храбрецом.

– Я?.. Господь с вами! приснилось?

Гости усмехнулись. Довольная улыбка показалась на лице речистого храбреца.

– Куда теперь ему бледнеть! – подхватил другой, – щеки у него расцвели, как мак; теперь он не Цыбуля, а буряк – или, лучше, сама *красная свитка*, которая так напугала людей.

Баклажка прокатилась по столу и сделала гостей еще веселее прежнего. Тут Черевик наш, которого давно мучила *красная свитка* и не давала ни на минуту покою любопытному его духу, приступил к куму:

– Скажи, будь ласков, кум! вот прошусь, да и не допрошусь истории про эту проклятую *свитку*.

– Э, кум! оно бы не годилось рассказывать на ночь; да разве уже для того, чтобы угодить тебе и добрым людям (при сем обратился он к гостям), которым, я примечаю, столько же, как и тебе, хочется узнать про эту диковину. Ну, быть так. Слушайте ж!

Тут он почесал плеча, утерся полою, положил обе руки на стол и начал:

– Раз, за какую вину, ей-богу, уже и не знаю, только выгнали одного черта из пекла.

– Как же, кум? – прервал Черевик, – как же могло это случиться, чтобы черта выгнали из пекла?

– Что ж делать, кум? выгнали, да и выгнали, как собаку мужик выгоняет из хаты. Может быть, на него нашла блажь сделать какое-нибудь доброе дело, ну и указали двери. Вот черту бедному так стало скучно, так скучно по пекле, что хоть до петли. Что делать? Давай с горя пьянствовать. Угнезвился в том самом сарае, который, ты видел, развалился под горою и мимо которого ни один добрый человек не пройдет теперь, не оградив наперед себя крестом святым, и стал черт такой гуляка, какого не сыщешь между парубками. С утра до вечера то и дело, что сидит в шинке!..

Тут опять строгий Черевик прервал нашего рассказчика:

– Бог знает, что говоришь ты, кум! Как можно, чтобы черта впустил кто-нибудь в шинку? Ведь у него же есть, слава богу, и когти на лапах, и рожки на голове.

– Вот то-то и штука, что на нем была шапка и рукавицы. Кто его распознает? Гулял, гулял – наконец пришлось до того, что пропил все, что имел с собою. Шинкарь долго верил, потом и перестал. Пришлось черту заложить красную свитку свою, чуть ли не в треть цены, жиду, шинковавшему тогда на Сорочинской ярмарке; заложил и говорит ему: «Смотри, жид, я приду к тебе за свиткой ровно через год: береги ее!» – и пропал, как будто в воду. Жид рассмотрел хорошенько свитку: сукно такое, что и в Миргороде не достанешь! а красный цвет горит, как огонь, так что не нагляделся бы! Вот жиду показалось скучно дожидаться срока. Почесал себе пейсики, да и содрал с какого-то приезжего пана мало не пять червонцев. О сроке жид и позабыл было совсем. Как вот раз, под вечерок, приходит какой-то человек: «Ну, жид,

отдавай свитку мою!» Жид сначала было и не познал, а после, как разглядел, так и прикинулся, будто в глаза не видал. «Какую свитку? у меня нет никакой свитки! я знать не знаю твоей свитки!» Тот, глядь, и ушел; только к вечеру, когда жид, заперши свою конуру и пересчитавши по сундукам деньги, накиннул на себя простыню и начал по-жидовски молиться богу, – слышит шорох... глядь – во всех окнах повывставлялись свиные рыла...

Тут в самом деле послышался какой-то неясный звук, весьма похожий на хрюканье свиньи; все побледнели... Пот выступил на лице рассказчика.

– Что? – произнес в испуге Черевик.

– Ничего!.. – отвечал кум, трясаясь всем телом.

– Ась! – отозвался один из гостей.

– Ты сказал?..

– Нет!

– Кто ж это хрюкнул?

– Бог знает, чего мы переполошились! Никого нет!

Все боязливо стали осматриваться вокруг и начали шарить по углам. Хивря была ни жива ни мертва.

– Эх вы, бабы! бабы! – произнесла она громко. – Вам ли козаковать и быть мужьями! Вам бы веретено в руки, да посадить за гребень! Один кто-нибудь, может, прости господи... Под кем-нибудь скамейка заскрипела, а все и метнулись как полоумные.

Это привело в стыд наших храбрецов и заставило их ободриться; кум хлебнул из кружки и начал рассказывать далее:

– Жид обмер; однако ж свиньи, на ногах, длинных, как ходули, повлезали в окна и мигом оживили жида плетеными тройчатками*, заставя его плясать повыше вот этого сволока. Жид – в ноги, признался во всем... Только свитки нельзя уже было воротить скоро. Пана обокрал на дороге какой-то цыган и продал свитку перекупке; та привезла ее снова на Сорочинскую ярмарку, но с тех пор уже никто ничего не стал покупать у ней. Перекупка дивилась, дивилась и, наконец, смекнула: верно, виною всему красная свитка. Недаром, надевая ее, чувствовала, что ее все давит что-то. Не думая, не гадая долго, бросила в огонь – не горит бесовская одежда! «Э, да это чертов подарок!» Перекупка умудрилась и подсунула в воз одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурень и обрадовался; только масла никто и спрашивать не хочет. «Эх, недобрые руки подкинули свитку!» Схватил топор и изрубил ее в куски; глядь – и лезет один кусок к другому, и опять целая свитка. Перекрестившись, хватил топором в другой раз, куски разбросил по всему месту и уехал. Только с тех пор каждый год, и как раз во время ярмарки, черт с свиною личиною ходит по всей площади, хрюкает и подбирает куски своей свитки. Теперь, говорят, одного только левого рукава недостает ему. Люди с тех пор открешиваются от того места, и вот уже будет лет с десяток, как не было на нем ярмарки. Да нелегкая дернула теперь заседателя от...

«...плетеными тройчатками...» *Плетеная тройчатка* – плетка из трех переплетенных кожаных «хвостов».

Другая половина слова замерла на устах рассказчика...

Окно брякнуло с шумом; стекла, звеня, вылетели вон, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, как будто спрашивая: «А что вы тут делаете, добрые люди?»

VIII

*...Піджав хвіст, мов собака,
Мов Капі, затрусивсь увесь;*

*Из носа потекла табака.*⁸
Котляревский, Энеида

Ужас оковал всех находившихся в хате. Кум с разинутым ртом превратился в камень; глаза его выпучились, как будто хотели выстрелить; разверстые пальцы остались неподвижными на воздухе. Высокий храбрец в непобедимом страхе подскочил под потолок и ударился головою об перекладину; доски посунулись, и попович с громом и треском полетел на землю. «Ай! ай! ай!» – отчаянно закричал один, повалившись на лавку в ужасе и болтая на ней руками и ногами. «Спасайте!» – горланил другой, закрывшись тулупом*. Кум, выведенный из своего окаменения вторичным испугом, пополз в судорогах под подол своей супруги. Высокий храбрец полез в печь, несмотря на узкое отверстие, и сам задвинул себя заслонкою. А Черевик, как будто облитый горячим кипятком, схвативши на голову горшок вместо шапки, бросился к дверям и как полоумный бежал по улицам, не видя земли под собою; одна усталость только заставила его уменьшить немного скорость бега. Сердце его колотилось, как мельничная ступа*, пот лил градом. В изнеможении готов уже был он упасть на землю, как вдруг послышалось ему, что сзади кто-то гонится за ним... Дух у него занялся... «Черт! черт!» – кричал он без памяти, утраивая силы, и чрез минуту без чувств повалился на землю. «Черт! черт!» – кричало вслед за ним, и он слышал только, как что-то с шумом ринулось на него. Тут память от него улетела, и он, как страшный жилец тесного гроба, остался нем и недвижим посреди дороги.

«...закрывшись тулупом». *Тулуп* – нагольная, не крытая сукном меховая шуба. Обычно тулуп шили из овчины (всегда мехом внутрь), реже – из меха лисицы, енота, хорька. Другое название – *кожух*.

С. Иванов. Молодой крестьянин в тулупе

---

⁸ Поджав хвост, как собака, как Каин, затрясся весь, из носа потек табак (укр.).

«...как мельничная ступа...» Мельничная ступа – большая деревянная ступа (высотой до 80 см), сделанная из выдолбленной колоды, в которой с помощью тяжелого песта (толкача) отделяли оболочку и перемалывали зерна пшеницы, ячменя, проса, гречихи и т. д. В сказках именно такая ступа считалась средством передвижения Бабы-яги.

А. Протопопов. Старуха со ступой

ІХ

Ще спереду і так, і так;

А ззаду, ей же ей, на черта!⁹
Из простонародной сказки

– Слышишь, Влас, – говорил, приподнявшись ночью, один из толпы спавшего на улице народа, – возле нас кто-то помянул черта!

– Мне какое дело? – проворчал, потягиваясь, лежавший возле него цыган, – хоть бы и всех своих родичей помянул.

– Но ведь так закричал, как будто давят его!

– Мало ли чего человек не соврет спросонья!

– Воля твоя, хоть посмотреть нужно; а выруби-ка огня!

Другой цыган, ворча про себя, поднялся на ноги, два раза осветил себя искрами, будто молниями, раздул губами трут* и, с каганцом в руках, обыкновенною малороссийскою светильнею, состоящею из разбитого черепка, налитого бараньим жиром, отправился, освещая дорогу.

«...раздул губами трут...» *Трут* – материал для высекания огня: фитиль, ветошь или высушенный гриб-трутовик, который зажигается от искры, высекающейся от удара огнива о камень.

– Стой! здесь лежит что-то; свети сюда!

Тут пристало к ним еще несколько человек.

– Что лежит, Влас?

– Так, как будто бы два человека: один наверху, другой нанизу; который из них черт, уже и не распознаю!

– А кто наверху?

– Баба!

– Ну вот, это ж то и есть черт!

Всеобщий хохот разбудил почти всю улицу.

– Баба взлезла на человека; ну, верно, баба эта знает, как ездить! – говорил один из окружавшей толпы.

– Смотрите, братцы! – говорил другой, поднимая черепок из горшка, которого одна только уцелевшая половина держалась на голове Черевика, – какую шапку надел на себя этот добрый молодец!

Увеличившийся шум и хохот заставили очнуться наших мертвецов, Солопия и его супругу, которые, полные прошедшего испуга, долго глядели в ужасе неподвижными глазами на смуглые лица цыган: озаряясь светом, неверно и трепетно горевшим, они казались диким сонмищем гномов, окруженных тяжелым подземным паром, в мраке непробудной ночи.

Х

Цур тобі, пек тобі, сатанинське навождєнє!¹⁰
Из малороссийской комедии

Свежесть утра веяла над пробудившимися Сорочинцами. Клубы дыму со всех труб понеслись навстречу показавшемуся солнцу. Ярмарка зашумела. Овцы заблеяли, лошади заржали; крик гусей и торговков понесся снова по всему табору – и страшные толки про *красную свитку*, наведшие такую робость на народ в таинственные часы сумерек, исчезли с появлением утра.

---

⁹ Спереди еще так-сяк, а сзади ей-же-ей, похож на черта! (Укр.)

¹⁰ Чур меня, чур, сгинь, дьявольское наваждение! (Укр.)

Зевая и потягиваясь, дремал Черевик у кума, под крытым соломою сараем, между волов, мешков муки и пшеницы, и, кажется, вовсе не имел желания расстаться с своими грезами, как вдруг услышал голос, так же знакомый, как убежище лени – благословенная печь его хаты или шинок дальней родственницы, находившийся не далее десяти шагов от его порога.

– Вставай, вставай! – дребезжала на ухо нежная супруга, дергая его изо всей силы за руку.

Черевик вместо ответа надул щеки и начал болтать руками, подражая барабанному бою.

– Сумасшедший! – закричала она, уклоняясь от взмаха руки его, которою он чуть было не задел ее по лицу.

Черевик поднялся, протер немного глаза и посмотрел вокруг.

– Враг меня возьми, если мне, голубко, не представилась твоя рожа барабаном, на котором меня заставили выбивать зорю, словно москаля, те самые свиные рожи, от которых, как говорит кум...

– Полно, полно тебе чепуху молоть! Ступай веди скорей кобылу на продажу. Смех, право, людям: приехали на ярмарку и хоть бы горсть пеньки продали...

– Как же, жинка, – подхватил Солопий, – с нас ведь теперь смеяться будут.

– Ступай! ступай! с тебя и без того смеются!

– Ты видишь, что я еще не умывался, – продолжал Черевик, зевая и почесывая спину и стараясь, между прочим, выиграть время для своей лени.

– Вот некстати пришла блажь быть чистоplotным! Когда это за тобою водилось? Вот рушник*, оботри свою маску...

«Вот рушник...» *Рушник* – полотенце, утиральник.

Рушник

Тут схватила она что-то свернутое в комок – и с ужасом отбросила от себя: это был *красный обшлаг свитки!*

– Ступай делай свое дело, – повторила она, собравшись с духом, своему супругу, видя, что у него страх отнял ноги и зубы колотились один об другой.

– Будет продажа теперь! – ворчал он сам себе, отвязывая кобылу и ведя ее на площадь. – Недаром, когда я сбирался на эту проклятую ярмарку, на душе было так тяжело, как будто кто взвалил на тебя дохлую корову, и волы два раза сами поворачивали домой. Да чуть ли еще, как вспомнил я теперь, не в понедельник мы выехали. Ну, вот и зло все!.. Неугомонен и черт проклятый: носил бы уже свитку без одного рукава; так нет, нужно же добрым людям не

давать покою. Будь, примерно, я черт, – чего, оборони боже, – стал ли бы я таскаться ночью за проклятыми лоскутьями?

Тут философствование нашего Черевика прервано было толстым и резким голосом. Пред ним стоял высокий цыган.

– Что продаешь, добрый человек?

Продавец помолчал, посмотрел на него с ног до головы и сказал с спокойным видом, не останавливаясь и не выпуская из рук узду:

– Сам видишь, что продаю!

– Ремешки? – спросил цыган, поглядывая на находившуюся в руках его узду.

– Да, ремешки, если только кобыла похожа на ремешки.

– Однако ж, черт возьми, земляк, ты, видно, ее соломою кормил!

– Соломою?

Тут Черевик хотел было потянуть узду, чтобы провести свою кобылу и обличить во лжи бесстыдного поносителя, но рука его с необыкновенною легкостью ударилась в подбородок. Глянул – в ней перерезанная узда и к узде привязанный – о, ужас! волосы его поднялись горою! – кусок *красного рукава свитки!*.. Плюнув, крестясь и болтая руками, побежал он от неожиданного подарка и, быстрее молодого парубка, пропал в толпе.

XI

За моє жє жито та мене й побито.¹¹

Пословица

– Лови! лови его! – кричало несколько хлопцев в тесном конце улицы, и Черевик почувствовал, что схвачен вдруг дюжими руками.

– Вязать его! это тот самый, который украл у доброго человека кобылу!

– Господь с вами! за что вы меня вяжете?

– Он же и спрашивает! А за что ты украл кобылу у приезжего мужика, Черевика?

– С ума спятили вы, хлопцы! Где видано, чтобы человек сам у себя крал что-нибудь?

– Старые штуки! старые штуки! Зачем бежал ты во весь дух, как будто бы сам сатана за тобою по пятам гнался?

– Поневоле побежишь, когда сатанинская одежда...

– Э, голубчик! обманывай других этим; будет еще тебе от заседателя за то, чтобы не пугал чертовщиною людей.

– Лови! лови его! – послышался крик на другом конце улицы. – Вот он, вот беглец!

И глазам нашего Черевика представился кум, в самом жалком положении, с заложенными назад руками, ведомый несколькими хлопцами.

– Чудеса завелись, – говорил один из них. – Послушали бы вы, что рассказывает этот мошенник, которому стоит только заглянуть в лицо, чтобы увидеть вора; когда стали спрашивать, отчего бежал он как полоумный, – полез, говорит, в карман понюхать табаку и вместо тавлинки* вытащил кусок чертовой *свитки*, от которой вспыхнул красный огонь, а он давай бог ноги!

– Эге-ге-ге! да это из одного гнезда обе птицы! Вязать их обоих вместе!

«...вместо тавлинки...» *Тавлинка* (устар.) – плоская табакерка из дерева или бересты.

---

¹¹ За мое же жито, да меня и побили (*укр.*).

Тавлінка

ХІІ

*«Чим, люди добрі, так оце я провинився?
За що глузуйте? – сказав наші неборак. –
За що знущаетесь ви надо мною так?
За що, за що?» – сказав, та й попустив
патьоки,*

Патьоки гірких сліз, узявшись за боки.¹²

Артемівський-Гулак, Пан та собака*

Артемівський-Гулак, Пан та собака. Эпиграф взят из обличительной басни «Пан та собака» (направленной против крепостного права) украинского писателя, историка и переводчика Петра Петровича Гулака-Артемовского (1790–1865), родоначальника украинской сатиры и баллады. Его влияние на творчество Гоголя явственно прослеживается на разных этапах. Эпиграф из «Пана та собаки» предваряет сцену в повести «Сорочинская ярмарка», в которой «оба кума принялись всхлипывать навзрыд». Имена Солопия и Хавроньи заимствованы из басни Гулака-Артемовского «Солопий и Хивря», в которой отстаивалась идея равноценного образования для мужчин и женщин. Мотив продажи души черту («Пропавшая грамота») отсылает не только к Гете и Жуковскому, но и к сатирической балладе Гулака-Артемовского «Твардовский». Эта же баллада перекликается и с повестью «Ночь перед Рождеством» (описание черта).

---

¹² «Чем это я так, люди добрые, провинился? За что вы изводите меня? – сказал бедняга. – За что вы так издеваетесь надо мною? За что, за что?» – сказал он, схватившись за бока, и разразился потоком горьких слез (*укр.*).

П. Гулак-Артемовский

– Может, и в самом деле, кум, ты подцепил что-нибудь? – спросил Черевик, лежа связанный, вместе с кумом, под соломенную яткой.

– И ты туда же, кум! Чтобы мне отсохнули руки и ноги, если что-нибудь когда-либо крал, выключая разве вареники с сметаной у матери, да и то еще когда мне было лет десять от роду.

– За что же это, кум, на нас напасть такая? Тебе еще ничего; тебя винят, по крайней мере за то, что у другого украл; но за что мне, несчастливцу, недобрый поклеп такой: будто у самого себя стянул кобылу? Видно, нам, кум, на роду уже написано не иметь счастья!

– Горе нам, сиротам бедным!

Тут оба кума принялись всхлипывать навзрыд.

– Что с тобою, Солопий? – сказал вошедший в это время Грицько. – Кто это связал тебя?

– А! Голопупенко, Голопупенко! – закричал, обрадовавшись, Солопий. – Вот, кум, это тот самый, о котором я говорил тебе. Эх, хват! вот бог убей меня на этом месте, если не высулил при мне кухоль* мало не с твою голову, и хоть бы раз поморщился.

«...если не высулил при мне кухоль...» *Высулить* – медленно выпить, как пьют лакомое сусло, с присосом, чмокая и потягивая.

Кухоль – толстостенный сосуд для питья, с ручкой, изготовлялся из глины, металла, позднее – стекла, емкостью обычно 0,5–1 л.

Пивної кухоль

– Что ж ты, кум, так не уважил такого славного парубка?

– Вот, как видишь, – продолжал Черевик, оборотясь к Грицьку, – наказал бог, видно, за то, что провинился перед тобою. Прости, добрый человек! Ей-богу, рад бы был сделать все для тебя... Но что прикажешь? В старухе дьявол сидит!

– Я не злопамятен, Солопий. Если хочешь, я освобожу тебя! – Тут он мигнул хлопцам, и те же самые, которые сторожили его, кинулись развязывать. – За то и ты делай, как нужно: свадьбу! – да и попируем так, чтобы целый год болели ноги от гопака.

– *Добре! от добре!* – сказал Солопий, хлопнув руками. – Да мне так теперь сделалось весело, как будто мою старуху москали увезли. Да что думать: годится или не годится так – сегодня свадьбу, да и концы в воду!

– Смотри ж, Солопий, через час я буду к тебе; а теперь ступай домой: там ожидают тебя покупишки твоей кобылы и пшеницы!

– Как! разве кобыла нашлась?

– Нашлась!

Черевик от радости стал неподвижен, глядя вслед уходившему Грицьку.

– Что, Грицько, худо мы сделали свое дело? – сказал высокий цыган спешившему парубку. – Волы ведь мои теперь?

– Твои! твои!

ХІІІ

Не бійся, матінко, не бійся,

В червоні чобітки обуїся.

Топчи вороги

Під ноги;

Щоб твої підківки

Бряжчали!

Щоб твої вороги

*Мовчали!*¹³
Свадебная песня

Подперши локтем хорошенький подбородок свой, задумалась Параска, одна, сидя в хате. Много грез обвивалось около русой головы. Иногда вдруг легкая усмешка трогала ее алые губки и какое-то радостное чувство подымало темные ее брови, а иногда снова облако задумчивости опускало их на карие светлые очи. «Ну что, если не сбудется то, что говорил он? – шептала она с каким-то выражением сомнения. – Ну что, если меня не выдадут? если... Нет, нет; этого не будет! Мачеха делает все, что ей ни вздумается; разве и я не могу делать того, что мне вздумается? Упрямства-то и у меня достанет. Какой же он хороший! как чудно горят его черные очи! как любо говорит он: *Парасю, голубко!* как пристала к нему белая свитка! еще бы пояс поярче!.. пускай уже, правда, я ему вытку, как перейдем жить в новую хату. Не подумаю без радости, – продолжала она, вынимая из пазухи маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою, купленное ею на ярмарке, и глядясь в него с тайным удовольствием, – как я встречу тогда где-нибудь с нею, – я ей ни за что не поклонюсь, хоть она себе тресни. Нет, мачеха, полно колотить тебе свою падчерицу! Скорее песок взойдет на камне и дуб погнется в воду, как верба, нежели я нагнусь перед тобою! Да я и позабыла... дай примерить очинок, хоть мачехин, как-то он мне придется!» Тут встала она, держа в руках зеркальце, и, наклонясь к нему головою, трепетно шла по хате, как будто бы опасаясь упасть, видя под собою вместо полу потолок с накладенными под ним досками, с которых низринул недавно попovich, и полки, уставленные горшками. «Что я, в самом деле, будто дитя, – вскричала она, смеясь, – боюсь ступить ногою». И начала притопывать ногами, все, чем далее, смелее; наконец левая рука ее опустилась и уперлась в бок, и она пошла танцевать, побрякивая подковами, держа перед собою зеркало и напевая любимую свою песню:

Зелененький барвіночку,
Стелися низенько!
А ти, милий, чорнобривий,
Присунься близенько!

Зелененький барвіночку,
Стелися ще нижче!
А ти, милий, чорнобривий,
Присунься ще ближче!¹⁴

Черевик заглянул в это время в дверь и, увидя дочь свою танцующею перед зеркалом, остановился. Долго глядел он, смеясь невиданному капризу девушки, которая, задумавшись, не примечала, казалось, ничего; но когда же услышал знакомые звуки песни – жилки в нем зашевелились; гордо подбоченившись, выступил он вперед и пустился впрямку, позабыв про все дела свои. Громкий хохот кума заставил обоих вздрогнуть.

– Вот хорошо, батька с дочкой затеяли здесь сами свадьбу! Ступайте же скорее: жених пришел!

При последнем слове Параска вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ее голову, а беспечный отец ее вспомнил, зачем пришел он.

---

¹³ Не бойся матушка, не бойся, в красные сапожки обуйся, топчи врагов под ноги, чтоб твои подковки бренчали, чтоб твои враги молчали! (Укр.)

¹⁴ Зелененький барвинок, стелись низенько! А ты, милый, чернобровый, придвинься близехонько! Зелененький барвинок, стелись еще ниже. А ты, милый, чернобровый, придвинься еще ближе! (Укр.)

– Ну, дочка! пойдём скорее! Хивря с радости, что я продал кобылу, побежала, – говорил он, боязливо оглядываясь по сторонам, – побежала закупать себе плахт и дерюг* всяких, так нужно до приходу ее все кончить!

«...побежала закупать себе плахт и дерюг...» *Плахта* – кустарная украинская ткань, полосатая или клетчатая, а также четырехугольный отрез ее, носимый вместо юбки.

Дерюга – грубая ткань из низкосортной льняной пряжи; вообще плохая грубая ткань.

Не успела Параска переступить за порог хаты, как почувствовала себя на руках парубка в белой свитке, который с кучею народа выжидал ее на улице.

– Боже, благослови! – сказал Черевик, складывая им руки. – Пусть их живут, как венки выют!

Тут послышался шум в народе:

– Я скорее тресну, чем допущу до этого! – кричала сожительница Солопия, которую, однако ж, с хохотом отталкивала толпа народа.

– Не бесись, не бесись, жинка! – говорил хладнокровно Черевик, видя, что пара дюжих цыган овладела ее руками, – что сделано, то сделано; я переменять не люблю!

– Нет! нет! этого-то не будет! – кричала Хивря, но никто не слушал ее; несколько пар обступило новую пару и составили около нее непроницаемую танцующую стену.

Странное, неизъяснимое чувство овладело бы зрителем при виде, как от одного удара смычком музыканта, в сермяжной* свитке, с длинными закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, к единству и перешло в согласие. Люди, на угрюмых лицах которых, кажется, век не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Все несло. Все танцевало. Но еще страннее, еще неразгаданнее чувство пробудилось бы в глубине души при взгляде на старушек, на ветхих лицах которых веяло равнодушием могилы, толкавшихся между новым, смеющимся, живым человеком. Беспечные! даже без детской радости, без искры сочувствия, которых один хмель только, как механик своего безжизненного автомата, заставляет делать что-то подобное человеческому, они тихо покачивали охмелевшими головами, подплясывая за веселящимся народом, не обращая даже глаз на молодую чету.

«...в сермяжной...» *Сермяжный* – из грубого (обычно домотканого) неокрашенного сукна. В переносном значении: крестьянский, бедняцкий; грубый и простой.

Гром, хохот, песни слышались тише и тише. Смычок умирал, слабея и теряя неясные звуки в пустоте воздуха. Еще слышалось где-то топанье, что-то похожее на ропот отдаленного моря, и скоро все стало пусто и глухо.

Не так ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетает от нас, и напрасно одинокий звук думает выразить веселье? В собственном эхе слышит уже он грусть и пустыню и дико внемлет ему. Не так ли резвые други бурной и вольной юности, поодиночке, один за другим, теряются по свету и оставляют, наконец, одного старинного брата их? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему.

Вечер накануне Ивана Купала* Быль, рассказанная дьячком ***ской церкви

И. Соколов. Гадание девушек на венках о замужестве

«Вечер накануне Ивана Купала». *Иван Купала* – народный языческий праздник восточных славян, отмечаемый в дни летнего солнцестояния. По времени совпадает с христианским праздником Рождества Иоанна Предтечи. Ночь накануне праздника по важности ритуалов и обрядов, связанных с водой, огнем и травами, превосходит сам праздничный день. В ночь на Ивана Купала принято было совершать брачные обряды, выбирая будущего суженого: прыгать через костер, обмениваться венками, искать цветок папоротника, купаться в утренней росе.

И. Соколов. Ночь на Ивана Купала

За Фомою Григорьевичем водилась особенного рода странность: он до смерти не любил пересказывать одно и то же. Бывало, иногда если упросишь его рассказать что сызнова, то, смотри, что-нибудь да вкинет новое или переиначит так, что узнать нельзя. Раз один из тех господ – нам, простым людям, мудрено и назвать их – писаки они не писаки, а вот то самое, что барышники* на наших ярмарках. Нахватают, попросят, накрадут всякой всячины, да и выпускают книжечки не толще букваря каждый месяц или неделю, – один из этих господ и выманил у Фомы Григорьевича эту самую историю, а он вовсе и позабыл о ней. Только приезжает из Полтавы тот самый панич в гороховом кафтане, про которого говорил я и которого одну повесть вы, думаю, уже прочли, – привозит с собою небольшую книжечку и, развернувши посередине, показывает нам. Фома Григорьевич готов уже был оседлать нос свой очками, но, вспомнив, что он забыл их подмотать нитками и облепить воском, передал мне. Я, так как грамоту кое-как разумею и не ношу очков, принялся читать. Не успел перевернуть двух страниц, как он вдруг остановил меня за руку.

«...что барышники...» *Барышник* (устар.) – перекупщик; торговец лошадьми.

– Постойте! наперед скажите мне, что это вы читаете?

Признаюсь, я немного пришел в тупик от такого вопроса.

– Как что читаю, Фома Григорьевич? вашу быль, ваши собственные слова.

– Кто вам сказал, что это мои слова?

– Да чего лучше, тут и напечатано: *рассказанная таким-то дьячком*.

– Плюйте ж на голову тому, кто это напечатал! *бреше, сучий москаль*. Так ли я говорил?

Що то вже, як у кого черт-ма клепки в голови! Слушайте, я вам расскажу ее сейчас.

Мы придвинулись к столу, и он начал.

Дед мой (царство ему небесное! чтоб ему на том свете елись одни только буханцы пшеничные да маковники в меду!) умел чудно рассказывать. Бывало, поведет речь – целый день не подвинулся бы с места и все бы слушал. Уж не чета какому-нибудь нынешнему балагуру, который как начнет *москаля везть*,¹⁵ да еще и языком таким, будто ему три дня есть не давали, то хоть берись за шапку да из хаты. Как теперь помню – покойная старуха, мать моя, была еще

¹⁵ То есть лгать. (Прим. Н. В. Гоголя.)

жива, – как в долгий зимний вечер, когда на дворе трещал мороз и замуровывал наглухо узенькое стекло нашей хаты, сидела она перед гребнем, выводя рукою длинную нитку, колыша ногою люльку и напевая песню, которая как будто теперь слышится мне. Каганец, дрожа и вспыхивая, как бы пугаясь чего, светил нам в хате. Веретено жужжало; а мы все, дети, собравшись в кучку, слушали деда, не слезавшего от старости более пяти лет с своей печки. Но ни дивные речи про давнюю старину, про наезды запорожцев, про ляхов, про молодецкие дела Подковы, Полтора Кожуха и Сагайдачного* не занимали нас так, как рассказы про какое-нибудь старинное чудное дело, от которых всегда дрожь проходила по телу и волосы ерошились на голове. Иной раз страх, бывало, такой заберет от них, что все с вечера показывается бог знает каким чудищем. Случится, ночью выйдешь за чем-нибудь из хаты, вот так и думаешь, что на постеле твоей уклался спать выходец с того света. И чтобы мне не довелось рассказывать этого в другой раз, если не принимал часто издали собственную положенную в головах свитку за свернувшегося дьявола. Но главное в рассказах деда было то, что в жизнь свою он никогда не лгал, и что, бывало, ни скажет, то именно так и было. Одну из его чудных историй перескажу теперь вам. Знаю, что много наберется таких умников, пописывающих по судам и читающих даже гражданскую грамоту, которые, если дать им в руки простой Часослов*, не разобрали бы ни аза в нем, а показывать на позор свои зубы – есть уменье. Им все, что ни расскажешь, в смех. Эдакое неверье разошлось по свету! Да чего, – вот не люби бог меня и пречистая дева! вы, может, даже не поверите: раз как-то заикнулся про ведьм – что ж? нашелся сорвиголова, ведьмам не верит! Да, слава богу, вот я сколько живу уже на свете, видел таких иноверцев, которым *провозить попа в решете*¹⁶ было легче, нежели нашему брату понюхать табаку; а и те открещивались от ведьм. Но приснись им... не хочется только выговорить, что такое, нечего и толковать об них.

«...про ляхов, про молодецкие дела Подковы, Полтора Кожуха и Сагайдачного...» *Ляхи* (устар.) – название польских племен (в этнографии и истории). Казаки и украинские мещане начиная с XVI века использовали это слово для пренебрежительного обозначения всей шляхты Речи Посполитой (современная Польша, Литва, Украина и Белоруссия) вне зависимости от национальности.

Подкова – Иван Подкова (1530–1578), казацкий кошевой атаман. В 1577 году завладел молдавским престолом, низвергнув воеводу Петра Хромого. В 1578 году его обманом заманили в Польшу, где польский король Стефан Баторий приказал его казнить.

Полтора Кожуха – украинский гетман Карп Полтора-Кожуха, возглавлял казацкие отряды, боровшиеся против Речи Посполитой в 1639–1642 годах. Помог крымскому хану отразить нападение калмыцкой орды и отогнать ее за Волгу.

Сагайдачный – Петр Конашевич-Сагайдачный (1577–1622), гетман Войска Запорожского, предводитель реестровых казаков на службе Речи Посполитой. Возглавлял походы казаков против Крымского ханства, Османской империи (1616–1621) и Русского царства на стороне Речи Посполитой.

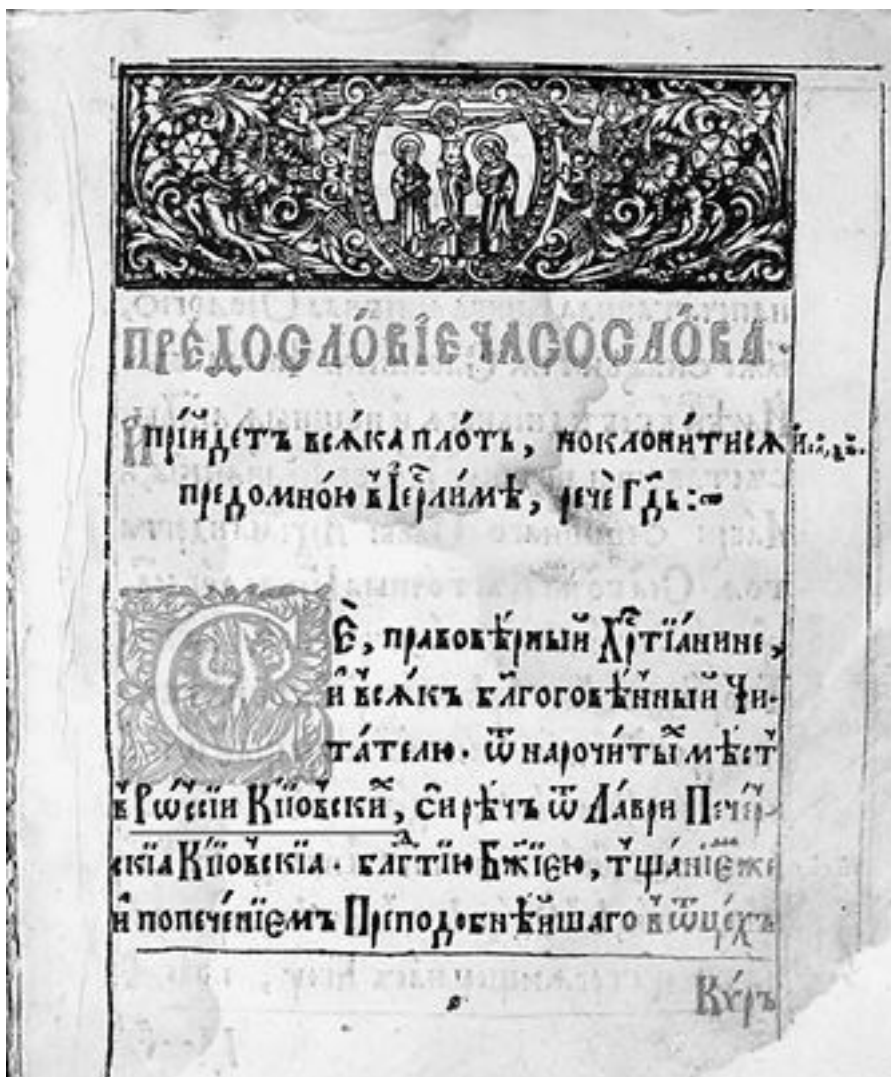
---

¹⁶ То есть солгать на исповеди. (Прим. Н. В. Гоголя.)

Н. Самокиш. Бой Богуна с Чарнецким под Монастырищем в 1653 году

«...дать им в руки простой **Часослов...**» *Часослов* – православная богослужбная книга, содержащая молитвы и песнопения суточного круга богослужения, в том числе служб, называемых часами (отсюда название).

Часослов 1616 года. Типография Печерской лавры, Киев

Лет – куды! – более чем за сто, говорил покойник дед мой, нашего села и не узнал бы никто: хутор, самый бедный хутор! Избенок десять, не обмазанных, не укрытых*, торчало то сям, то там, посреди поля. Ни плетня, ни сарая порядочного, где бы поставить скотину или воз. Это ж еще богачи так жили; а посмотрели бы на нашу братью, на голь: вырытая в земле яма – вот вам и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живет там человек божий. Вы спросите, отчего они жили так? Бедность не бедность: потому что тогда козаковал почти всякий и набирал в чужих землях немало добра; а больше оттого, что незачем было заводитьсь порядочною хатою. Какого народа тогда не шаталось по всем местам: крымцы, ляхи, литвинство!* Бывало то, что и свои наедут кучами и обдирают своих же. Всего бывало.

«Избенок десять, не обмазанных, не укрытых...» Самая простая сельская хата, мазанка, состояла из каркаса (переплетенные тонкие ветви дерева или хвороста) или возводилась из сырцового кирпича (брикеты из смеси глины, соломы и навоза, обсушенные на солнце). На стены мазанки снаружи и изнутри обычно наносили известь, крышу покрывали соломой или камышом.

С. Васильковский. Околица

В этом-то хуторе показывался часто человек, или, лучше, дьявол в человеческом образе. Откуда он, зачем приходил, никто не знал. Гуляет, пьянствует и вдруг пропадет, как в воду, и слуху нет. Там, глядь – снова будто с неба упал, рыскает по улицам села, которого теперь и следу нет и которое было, может, не дальше ста шагов от Диканьки. Понаберет встречных козаков: хохот, песни, деньги сыплются, водка – как вода... Пристанет, бывало, к красным девушкам: надарит лент, серег, монист – девать некуда! Правда, что красные девушки немного призадумывались, принимая подарки: бог знает, может, в самом деле перешли они через нечистые руки. Родная тетка моего деда, содержавшая в то время шинок по нынешней Опошнянской дороге, в котором часто разгульничал Басаврюк*, – так называли этого бесовского человека, – именно говорила, что ни за какие благополучия в свете не согласилась бы принять от него подарков. Опять, как же и не взять: всякого проберет страх, когда нахмурит он, бывало, свои щетинистые брови и пустит исподлобья такой взгляд, что, кажется, унес бы ноги бог знает куда; а возьмешь – так на другую же ночь и тащится в гости какой-нибудь приятель из болота, с рогами на голове, и давай душить за шею, когда на шее монисто*, кусать за палец, когда на нем перстень, или тянуть за косу, когда вплетена в нее лента. Бог с ними тогда, с этими подарками! Но вот беда – и отвязаться нельзя: бросишь в воду – плышет чертовский перстень или монисто поверх воды, и к тебе же в руки.

«...крымцы, ляхи, литвинство»! *Крымцы* – крымские татары, коренное население Крымского полуострова.

Литвинство – в исторических источниках этим термином обозначали население Великого княжества Литовского. В XIV–XIX веках так называли преимущественно белорусов и восточных литовцев.

Ю. Брандт. *Стычка казаков с татарами*

«...часто разгульничал Басаврюк...» *Басаврюк* – имя этого персонажа изначально было вынесено в заглавие повести, которая в первом издании называлась «Басаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала». В славянской мифологии такой персонаж не встречается, но у многих европейских народов бытуют истории про ведьм или колдунов, иногда наделенных чертами вампиров, название которых происходит от тюркского *basyrkan* – «ночной кошмар». Самые знаменитые из них – венгерские ведьмы *босоркани*, которые, согласно поверьям, активизировались как раз на праздник Ивана Купала. В XVI–XVIII веках над ними неоднократно проходили судебные процессы. Румынские ведьмы *босоркой*, по преданию, обитали в основном в Трансильвании. В бойковских (карпатских) говорах *босурканей* называют ведьму-гадалку, у лемков *босорка* – это ведьма, отбирающая молоко у коров. *Басаврюк* – плод фантазии Гоголя, типологически близкий бесу – «дьяволу в человеческом обличе».

«...когда на шее монисто...» *Монисто* – ожерелье из бус, жемчуга, монет, бляшек, разноцветных камней, кораллов и т. д. Указывало на социальный статус его носительницы. Древнейшее шейное украшение, которое изначально служило для украшения одежды исламских женщин.

В. Тропинин. Девушка-украинка в пейзаже

В селе была церковь, чуть ли еще, как вспомню, не святого Пантелея*. Жил тогда при ней иерей, блаженной памяти отец Афанасий. Заметив, что Басаврюк и на светлое воскресенье* не бывал в церкви, задумал было пожурить его – наложить церковное покаяние. Куды! насилу ноги унес. «Слушай, *паноче!* – загремел он ему в ответ, – знай лучше свое дело, чем мешаться в чужие, если не хочешь, чтобы козлиное горло твое было залеплено горячею кутьею!» Что делать с окаянным? Отец Афанасий объявил только, что всякого, кто спознается с Басаврюком, станет считать за католика, врага Христовой церкви и всего человеческого рода.

В том селе был у одного козака, прозвищем Коржа, работник, которого люди звали Петром Безродным; может, оттого, что никто не помнил ни отца его, ни матери. Староста церкви говорил, правда, что они на другой же год померли от чумы; но тетка моего деда знать этого не хотела и всеми силами старалась наделить его родней, хотя бедному Петру было в ней столько нужды, сколько нам в прошлогоднем снеге. Она говорила, что отец его и теперь на Запорожье, был в плену у турок, натерпелся мук бог знает каких и каким-то чудом, переодевшись евнухом, дал тягу. Чернобровым дивчатам и молодичам мало было нужды до родни его. Они говорили только, что если бы одеть его в новый жупан*, затянуть красным поясом, надеть на голову шапку из черных смушек с щегольским синим верхом, привесить к боку турецкую саблю, дать в одну руку малахай*, в другую люльку в красивой оправе, то заткнул бы он за пояс всех парубков тогдашних. Но то беда, что у бедного Петруся всего-навсего была одна серая свитка, в которой было больше дыр, чем у иного жида в кармане золотых. И это бы еще не большая беда, а вот беда: у старого Коржа была дочка-красавица, какую, я думаю, вряд ли доставалось вам види-

вать. Тетка покойного деда рассказывала, – а женщине, сами знаете, легче поцеловаться с чертом, не во гнев будь сказано, нежели назвать кого красавицею, – что полненькие щеки козачки были свежи и яркие, как мак самого тонкого розового цвета, когда, умывшись божьею росой, горит он, распрямляет листики и охорашивается перед только что поднявшимся солнышком; что брови словно черные шнурочки, какие покупают теперь для крестов и дукатов девушки наши у проходящих по селам с коробками москалей, ровно нагнувшись, как будто гляделись в ясные очи; что ротик, на который глядя облизывалась тогдашняя молодежь, кажись, на то и создан был, чтобы выводить соловьиные песни; что волосы ее, черные, как крылья ворона, и мягкие, как молодой лен (тогда еще девушки наши не заплетали их в дрибушки, перевивая красивыми, ярких цветов синдячками*), падали курчавыми кудрями на шитый золотом кунтуш*. Эх, не доведи Господь возглашать мне больше на крылосе аллилуйя, если бы, вот тут же, не расцеловал ее, несмотря на то что сечь пробирается по всему старому лесу, покрывающему мою макушку, и под боком моя старуха, как бельмо в глазу. Ну, если где парубок и девка живут близко один от другого... сами знаете, что выходит. Бывало, ни свет ни заря, подковы красных сапогов и приметны на том месте, где раздобаривала Пидорка* с своим Петрусем. Но все бы Коржу и в ум не пришло что-нибудь недоброе, да раз – ну, это уже и видно, что никто другой, как лукавый дернул, – вздумалось Петрусю, не обсмотревшись хорошенько в сених, вlepить поцелуй, как говорят, от всей души, в розовые губки козачки, и тот же самый лукавый, – чтоб ему, собачьему сыну, приснился крест святой! – настроил сдуру старого хрена отворить дверь хаты. Одеревенел Корж, разинув рот и ухватясь рукою за двери. Проклятый поцелуй, казалось, оглушил его совершенно. Ему почудился он громче, чем удар макогона об стену, которым обыкновенно в наше время мужик прогоняет кутью, за неимением фузеи* и пороха.

«...святого Пантелея». *Святой Пантелей* – святой Пантелеимон, раннехристианский великомученик, врач по профессии, известный как великий целитель.

Единственная житийная икона св. Пантелеимона византийского времени

«...на светлое воскресение...» *Светлое воскресенье* – праздник Пасхи.

Н. Пимоненко. Пасхальная заутреня в Малороссии

«...одеть его в новый жупан...» *Жупан* – восточноевропейская приталенная верхняя одежда, элемент сарматской моды. Изначально был распространен среди состоятельного населения Речи Посполитой, шился из дорогих тканей – штофа, парчи, тонкого сукна. Позднее получил распространение среди крестьян. Типичная одежда украинцев казацких времен.

«...дать в одну руку малахай...» *Малахай* (разг.) – длинный кожаный кнут, плетеный ремень из сыромятной кожи, изначально с узлом на конце.

«...заплетали их в дрибушки, перевивая красивыми, ярких цветов синдячками...» *Дрибушки* (укр.) – тоненькие, мелко заплетенные косички.

Синдячка (укр.) – узкая лента.

Польские дворяне в жупанах. XVII век

«...на шитый золотом кунтуш». *Кунтуш* – в Украине и Польше XVI–XVIII веков верхняя распашная одежда, как мужская, так и женская. Вместе с жупаном кунтуш был традиционной одеждой состоятельных людей (шляхты). Шился из сукна или шелка.

Украинский шляхтич в кунтуше

«...где раздобаривала Пидорка...» *Раздобаривать* – болтать, беседовать; раздобар – болтовня, пустые разговоры.

Пидорка – уменьшительная украинская форма имени Федора (Феодора, Теодора), в переводе с греческого – Божий дар.

Очнувшись, снял он со стены дедовскую нагайку* и уже хотел было покропить ею спину бедного Петра, как откуда ни возьмись шестилетний брат Пидоркин, Ивась, прибежал и в испуге схватил ручонками его за ноги, закричав: «Тятя, тятя! не бей Петруся!» Что прикажешь делать? у отца сердце не каменное: повесивши нагайку на стену, вывел он его потихоньку из хаты: «Если ты мне когда-нибудь покажешься в хате или хоть только под окнами, то слушай, Петро: ей-богу, пропадут черные усы, да и оселедец твой, вот уже он два раза обматывается около уха, не будь я Терентий Корж, если не распрощается с твоею макушей!*

Сказавши это, дал он ему легонькою рукою стусана* в затылок, так что Петрусь, невзвидя земли, полетел стремглав. Вот тебе и доцеловались! Взяла кручина наших голубков; а тут и слух по селу, что к Коржу повадился ходить какой-то лях, обшитый золотом, с усами, с саблею, со шпорами, с карманами, бренчавшими, как звонок от мешочка, с которым пономарь* наш, Тарас, отправляется каждый день по церкви. Ну, известно, зачем ходят к отцу, когда у него водится чернобровая дочка. Вот один раз Пидорка схватила, заливаясь слезами, на руки Ивася своего: «Ивасю мой милый, Ивасю мой любый! беги к Петрусью, мое золотое дитя, как стрела из лука; расскажи ему все: любила б его карие очи, целовала бы его белое личико, да не велит судьба моя. Не один рушник вымочила горячими слезами. Тошно мне. Тяжело на сердце. И родной

отец – враг мне: неволит идти за нелюбого ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовят, только не будет музыки на нашей свадьбе: будут дьяки петь вместо кобз и сопилок*. Не пойду я танцевать с женихом своим: понесут меня. Темная, темная моя будет хата: из кленового дерева, и вместо трубы крест будет стоять на крыше!»

«...снял он со стены дедовскую нагайку...» *Нагайка* – короткая ременная плетель иногда со «шлепком» (кожаной бляшкой) на конце, использовалась для управления лошадей.

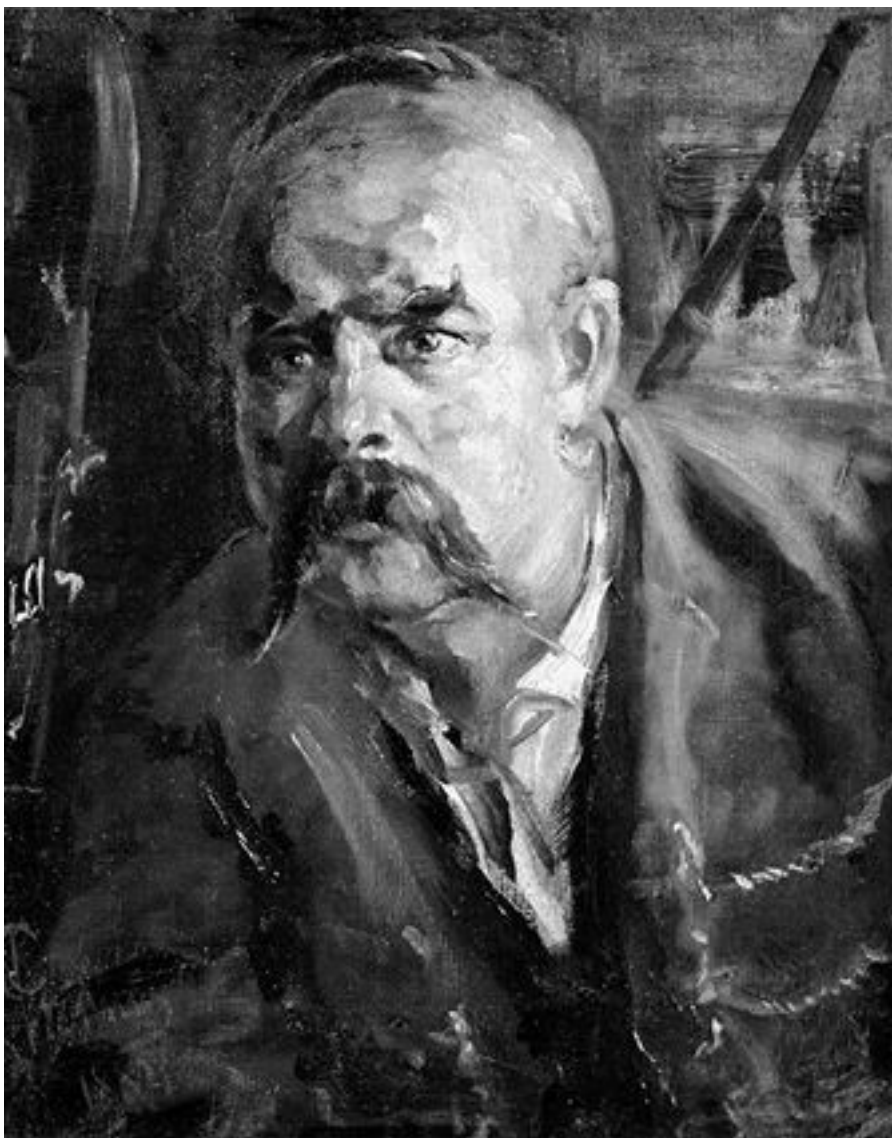

Нагайка

«...за неимением фузеи...» *Фузея* (польск. *fuzija* – ружье) – кремневое ружье, заменившее мушкет. В XVII–XIX веках находилось на вооружении русской и некоторых иностранных армий.

Фузея

И. Репин. Запорожец. Этуд к картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»

«...да и оселедец твой, вот уже он два раза обматывается около уха, не будь я Терентий Корж, если не распрощается с твоею макушей». Утрата оселедца – длинного чуба, который отращивали на макушке, обривая вокруг него волосы, – воспринималась его обладателем как позор и унижение. Именно поэтому турки часто отрезали чубы у пленных казаков. На Запорожской Сечи изначально оселедец был отличительным знаком зрелого, проявившего себя в бою или морском походе воина, молодым запорожцам так стричься не разрешалось. Однако со временем такой чуб стали носить многие из тех, кто имел какое-то отношение к Запорожью, – чумаки, крестьяне из ближайших сел.

«...дал он ему легонькою рукою стусана...» *Стусан* (укр.) – несильный удар кулаком.

«...с которым пономарь...» *Пономарь* – православный церковнослужитель низшего ранга; в его обязанности входило звонить в колокола, зажигать свечи в храме, прислуживать при богослужении.

Как будто окаменев, не сдвинувшись с места, слушал Петро, когда невинное дитя лепетало ему Пидоркины речи. «А я думал, несчастный, иди в Крым и Туречину, навоевать золота* и с добром приехать к тебе, моя красавица. Да не быть тому. Недобрый глаз поглядел на нас. Будет же, моя дорогая рыбка, будет и у меня свадьба: только и дьяков не будет на той свадьбе; ворон черный прокрячет вместо попа надо мною; гладкое поле будет моя хата; сизая туча – моя крыша; орел выклюет мои карие очи; вымоют дожди козацкие косточки, и вихорь высушит их. Но что я? на кого? кому жаловаться? Так уже, видно, Бог велел, – пропадать так пропадать!» – да прямехонько и побрел в шинок.

«...вместо кобз и сопилкок». *Кобза* – старинный украинский струнный щипковый музыкальный инструмент с четырьмя и более парными струнами. Любимый инструмент казаков, кобза была широко распространена среди украинского крестьянства. К концу XIX века почти вышла из употребления, замененная бандурой.

Сопилка – украинский народный духовой инструмент, разновидность дудки. Встречается несколько вариантов сопилки – с 5 и 6 отверстиями, длиной от 20 до 40 см.

Л. Жемчужников. Кобзарь на дороге

Сопилка-гуцулка

«...идти в Крым и Туречину, навоевать золота». Сведения о захватнических походах казаков, о набеггах на населенные пункты и торговые караваны, о наемной службе зафиксированы с начала XVI века. В XVII веке походы казаков в Османскую империю и войны с турками стали обычным явлением, к тому же довольно прибыльным. Например, в 1616 году 2 000 казаков во главе с Петром Сагайдачным разгромили в устье Днепра турецкую флотилию, захватили десятки галер и сотню лодок. Затем они напали на Кафу – рынок рабов в Крыму, ограбили местное турецкое и татарское население, попутно освободив из неволи тысячи рабов.

Н. Самокиш. Абордаж турецкого корабля казаками

Тетка покойного деда немного изумилась, увидевши Петруся в шинке, да еще в такую пору, когда добрый человек идет к заутрене*, и выпучила на него глаза, как будто спросонья, когда потребовал он кухоль сивухи мало не с полведра. Только напрасно думал бедняжка залить свое горе. Водка щипала его за язык, словно крапива, и казалась ему горше полыни. Кинул от себя кухоль на землю. «Полно горевать тебе, козак!» – загремело что-то басом над ним. Оглянулся: Басаврюк! у! какая образина! Волосы – щетина, очи – как у вола! «Знаю, чего недостает тебе: вот чего!» Тут брякнул он с бесовскою усмешкою кожаным, висевшим у него возле пояса, кошельком. Вздрогнул Петро. «Ге-ге-ге! да как горит! – заревел он, пересыпая на руку червонцы. – Ге-ге-ге! да как звенит! А ведь и дела только одного потребую за целую гору таких цацек». – «Дьявол! – закричал Петро. – Давай его! на все готов!» Хлопнули по рукам. «Смотри, Петро, ты поспел как раз в пору: завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь в году и цветет папоротник. Не прозевай! Я тебя буду ждать о полночи в Медвежьем овраге».

«...идет к заутрене...» *Заутреня* (или *утреня*) – самое продолжительное, утреннее, из ежедневных богослужений суточного круга в православной церкви. Заутреня бывает вседневная и праздничная.

Я думаю, куры так не дожидаются той поры, когда баба вынесет им хлебных зерен, как дожидался Петрусь вечера. То и дело что смотрел, не становится ли тень от дерева длиннее, не

румянится ли понизившееся солнышко, – и что далее, тем нетерпеливей. Экая долгота! видно, день божий потерял где-нибудь конец свой. Вот уже и солнца нет. Небо только краснеет на одной стороне. И оно уже тускнет. В поле становится холодней. Примеркает, примеркает и – смерклось. Насилу! С сердцем, только что не хотевшим выскочить из груди, собрался он в дорогу и бережно спустился густым лесом в глубокий яр, называемый Медвежьим оврагом. Басаврюк уже поджидал там. Темно, хоть в глаза выстрели. Рука об руку пробирались они по топким болотам, цепляясь за густо разросшийся терновник и спотыкаясь почти на каждом шагу. Вот и ровное место. Огляделся Петро: никогда еще не случалось ему заходить сюда. Тут остановился и Басаврюк.

– Видишь ли ты, стоят перед тобою три пригорка? Много будет на них цветов разных; но сохрани тебя нездешняя сила вырвать хоть один. Только же зацветет папоротник, хватай его и не оглядывайся, что бы тебе позади ни чудилось.

Петро хотел было спросить... глядь – и нет уже его. Подошел к трем пригоркам; где же цветы? Ничего не видать. Дикий бурьян чернел кругом и глушил все своею густотою. Но вот блеснула на небе зарница, и перед ним показалась целая гряда цветов, все чудных, все невиданных; тут же и простые листья папоротника. Поусомнился Петро и в раздумье стал перед ними, подпершись обеими руками в боки.

– Что тут за невидальщина? десять раз на день, случается, видишь это зелье; какое ж тут диво? Не вздумала ли дьявольская рожа посмеяться?

Глядь, краснеет маленькая цветочная почка и, как будто живая, движется. В самом деле, чудно! Движется и становится все больше, больше и краснеет, как горячий уголь. Вспыхнула звездочка, что-то тихо затрещало, и цветок развернулся перед его очами, словно пламя, осветив и другие около себя.

«Теперь пора!» – подумал Петро и протянул руку. Смотрит, тянутся из-за него сотни мохнатых рук также к цветку, а позади его что-то перебегает с места на место. Зажмурив глаза, дернул он за стебелек, и цветок остался в его руках. Все утихло. На пне показался сидящим Басаврюк, весь синий, как мертвец. Хоть бы пошевелился одним пальцем. Очи недвижно уставлены на что-то, видимое ему одному только; рот вполтину разинут, и ни ответа. Вокруг не шелохнет. Ух, страшно!.. Но вот послышался свист, от которого захолонуло у Петра внутри, и почудилось ему, будто трава зашумела, цветы начали между собою разговаривать голоском тоненьким, будто серебряные колокольчики; деревья загремели сыпучею бранью... Лицо Басаврюка вдруг ожило; очи сверкнули. «Насилу воротилась, яга! – проворчал он сквозь зубы. – Гляди, Петро, станет перед тобою сейчас красавица: делай все, что ни прикажет, не то пропал навеки!» Тут разделил он суковатую палкою куст терновника, и перед ними показалась избушка, как говорится, на курьих ножках. Басаврюк ударил кулаком, и стена зашаталась. Большая черная собака выбежала навстречу и с визгом, оборотившись в кошку, кинулась в глаза им. «Не бесись, не бесись, старая чертовка!» – проговорил Басаврюк, приправив таким словом, что добрый человек и уши бы заткнул. Глядь, вместо кошки старуха*, с лицом, сморщившимся, как печеное яблоко, вся согнутая в дугу; нос с подбородком словно щипцы, которыми щелкают орехи. «Славная красавица!» – подумал Петро, и мурашки пошли по спине его. Ведьма вырвала у него цветок из рук, наклонилась и что-то долго шептала над ним, вспрыскивая какою-то водою. Искры посыпались у ней изо рта; пена показалась на губах. «Бросай!» – сказала она, отдавая цветок ему. Петро подбросил, и, что за чудо? – цветок не упал прямо, но долго казался огненным шариком посреди мрака и, словно лодка, плавал по воздуху; наконец потихоньку начал спускаться ниже и упал так далеко, что едва приметна была звездочка, не больше макового зерна. «Здесь!» – глухо прохрипела старуха; а Басаврюк, подавая ему заступ, примолвил: «Копай здесь, Петро. Тут увидишь ты столько золота, сколько ни тебе, ни Коржу не снилось». Петро, поплевав в руки, схватил заступ, надавил ногою и выворотил землю, в другой, в третий, еще раз... что-то твердое!.. Заступ звенит и нейдет далее. Тут глаза его ясно начали

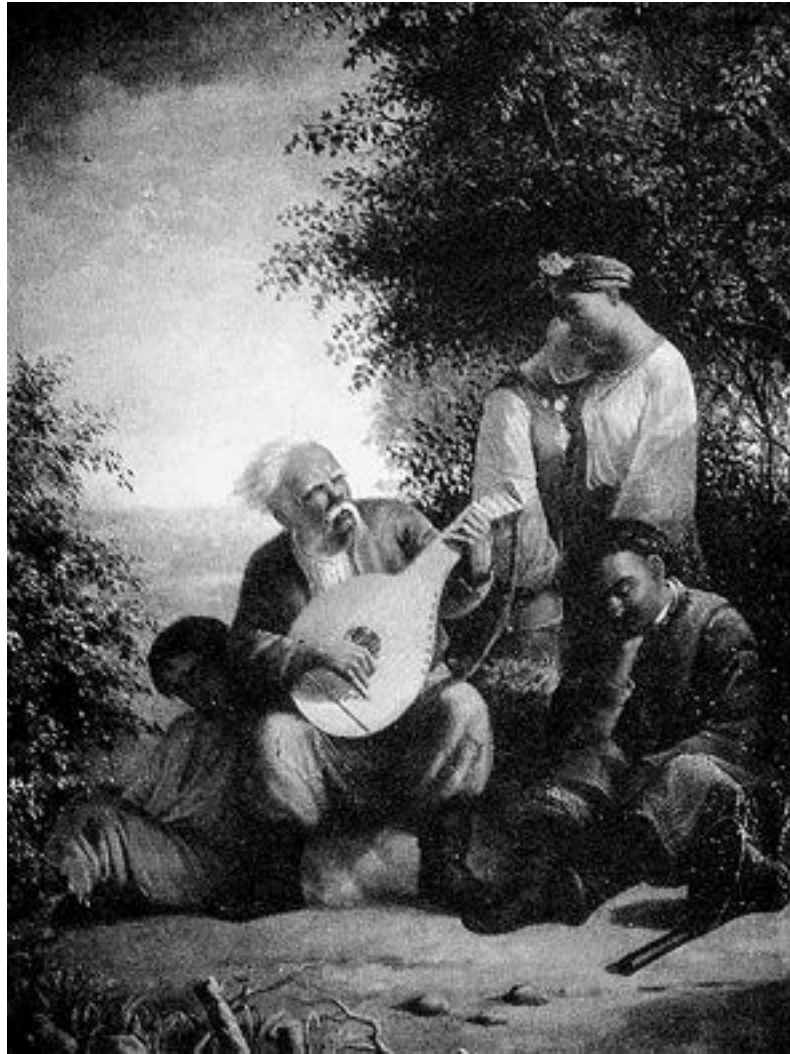
различать небольшой, окованный железом сундук. Уже хотел он было достать его рукою, но сундук стал уходить в землю, и все, чем далее, глубже, глубже; а позади его слышался хохот, более схожий с змеиным шипеньем. «Нет, не видать тебе золота, покамест не достанешь крови человеческой!» – сказала ведьма и подвела к нему дитя лет шести, накрытое белую простынею, показывая знаком, чтобы он отсек ему голову. Остолбенел Петро. Малость, отрезать ни за что ни про что человеку голову, да еще и безвинному ребенку! В сердцах сдернул он простыню, накрывавшую его голову, и что же? Перед ним стоял Ивась. И ручонки сложило бедное дитя накрест, и головку повесило... Как бешеный подскочил с ножом к ведьме Петро и уже занес было руку...

«Глядь, вместо кошки старуха...» У Гоголя кошка неоднократно выступает в роли ведьмы (не только в «Вечере накануне Ивана Купала», но и в повестях «Майская ночь, или Утопленница» и «Старосветские помещики», в «Вие» ведьма садлает Хому «с быстротою кошки»). Исследователи связывают появление этого мотива с автобиографической историей, которая произошла с Николаем Гоголем в возрасте пяти лет: однажды, оставшись в одиночестве и испугавшись крадущейся кошки, он поймал ее и бросил в пруд, отталкивая ее шестом от берега и не давая выплыть. Кошка утонула – так он отомстил ей за свой испуг, но потом долго мучился угрызениями совести.

Кот в славянской мифологии часто предстает помощником черта или воплощением нечистой силы. У Гоголя этот мотив, вобрав в себя детское травмирующее воспоминание, воплотил страх, с одной стороны, перед чем-то чужим и непонятным, с другой – перед властной женщиной, которая в воображении писателя преобразовалась в ведьму.

– А что ты обещал за девушку?.. – грянул Басаврюк и словно пулю посадил ему в спину. Ведьма топнула ногою: синее пламя выхватилось из земли; середина ее вся осветилась и стала как будто из хрусталя вылита; и все, что ни было под землею, сделалось видимо как на ладони. Червонцы, дорогие камни, в сундуках, в котлах, горами были навалены под тем самым местом, где они стояли. Глаза его загорелись... ум помутился... Как безумный, ухватился он за нож, и безвинная кровь брызнула ему в очи... Дьявольский хохот загремел со всех сторон. Безобразные чудища стаями скакали перед ним. Ведьма, вцепившись руками в обезглавленный труп, как волк, пила из него кровь... Все пошло кругом в голове его! Собравши все силы, бросился бежать он. Все покрылось перед ним красным цветом. Деревья, все в крови, казалось, горели и стонали. Небо, раскалившись, дрожало... Огненные пятна, что молнии, мерещились в его глазах. Выбившись из сил, вбежал он в свою лачужку и, как сноп, повалился на землю. Мертвый сон охватил его.

Два дни и две ночи спал Петро без просыпу. Очнувшись на третий день, долго осматривал он углы своей хаты; но напрасно старался что-нибудь припомнить: память его была как карман старого скряги, из которого полушки не выманишь. Потянувшись немного, услышал он, что в ногахбрякнуло. Смотрит: два мешка с золотом. Тут только, будто сквозь сон, вспомнил он, что искал какого-то клада, что было ему одному страшно в лесу... Но за какую цену, как достался он, этого никаким образом не мог понять.

Д. Безперчий. Бандурист

Увидел Корж мешки и – развежился: «Сякой, такой Петрусь, немазаний! да я ли не любил его? да не был ли у меня он как сын родной?» – и понес хрыч небывальщину, так что того до слез разобрало. Пидорка стала рассказывать ему, как проходившие мимо цыгане украли Ивася. Но Петро не мог даже вспомнить лица его: так обморочила проклятая бесовщина! Мешкать было незачем. Поляку дали под нос дулю, да и заварили свадьбу: напекли шишек, нашили рушников и хусток*, выкатили бочку горелки; посадили за стол молодых; разрезали коровай; брякнули в бандуры, цимбалы*, сопилки, кобзы – и пошла потеха...

«...и хусток...» *Хустка* (укр.) – платок на голову.

«...брякнули в бандуры, цимбалы...» *Бандура* – украинский народный струнный щипковый инструмент. На старых инструментах имелось по 12–25 струн (на современных – до 70). Функционально родственна кобзе, которую начала вытеснять в XIX веке.

Цимбалы – струнный ударный музыкальный инструмент в виде трапециевидной деки с натянутыми струнами. Распространен во многих восточно-европейских странах.

Цимбалы

В старину свадьба водилась не в сравнение с нашей. Тетка моего деда, бывало, расскажет – люли только! Как дивчата, в нарядном головном уборе из желтых, синих и розовых стричек*, на верх которых навязывался золотой галун, в тонких рубашках, вышитых по всему шву красным шелком и унизанных мелкими серебряными цветочками, в сафьянных сапогах* на высоких железных подковах, плавно, словно павы, и с шумом, что вихорь, скакали в горлице*. Как молодичи, с корабликом на голове*, которого верх сделан был весь из сутозолотой парчи*, с небольшим вырезом на затылке, откуда выглядывал золотой очипок, с двумя выдавшимися, один наперед, другой назад, рожками самого мелкого черного смушка; в синих, из лучшего полутабенку*, с красными клапанами кунтушах, важно подбоченившись, выступали поодиночке и мерно выбивали гопака. Как парубки, в высоких козацких шапках, в тонких суконных свитках, затянутых шитыми серебром поясами, с люльками в зубах, рассыпались перед ними мелким бесом и подпускали турусы*. Сам Корж не утерпел, глядя на молодых, чтобы не тряхнуть стариною. С бандурою в руках, потягивая люльку и вместе припевая, с чаркою на голове, пустился старичина, при громком крике гуляк, вприсядку. Чего не выдумают навеселе! Начнут, бывало, наряжаться в хари* – боже ты мой, на человека не похожи! Уж не чета нынешним переодеваньям, что бывают на свадьбах наших. Что теперь? – только что корчат цыганок да москалей. Нет, вот, бывало, один оденется жидом, а другой чертом*, начнут сперва целоваться, а после ухватятся за чубы... Бог с вами! смех нападет такой, что за живот хватаешься. Пооденутся в турецкие и татарские платья: все горит на них, как жар... А как начнут дуреть да строить штуки... ну, тогда хоть святых выноси. С теткой покойного деда, которая сама была на этой свадьбе, случилась забавная история: была она одета тогда в татарское широкое платье и с чаркою в руках угощала собрание. Вот одного дернул лукавый окатить ее сзади водкою; другой, тоже, видно, не промах, высек в ту же минуту огня, да и поджег... пламя вспыхнуло, бедная тетка, перепугавшись, давай сбрасывать с себя, при всех, платье... Шум, хохот, ералаш поднялся, как на ярмарке. Словом, старики не запомнили никогда еще такой веселой свадьбы.

«...синих и розовых стричек...» *Стричка* (укр.) – лента.

«...в сафьянных сапогах...» *Сафьянный* – сделанный из сафьяна, тонкой, мягкой козьей или овечьей кожи высокого качества, специально выделанной и обычно ярко окрашенной.

«...скакали в горлице». *Горлица* – украинский народный массовый шуточный танец, возникший в начале XIX века на основе песни «Дівчина, як

горлиця, до козака горнеться». Носил сюжетный характер, существовал в двух вариантах – парном и групповом.

А. Ригельман. Украинская дворянка в кораблике на голове. XVIII век

«...с корабликом на голове...» *Кораблик* – традиционный головной убор замужних женщин благородного сословия, распространенный по всей Украине во времена казачества. Представлял собой небольшую шапочку продолговато-округлой формы с низкими краями и торчащими спереди и сзади рожками. К концу XIX века кораблик стал большой редкостью.

«...сделан весь из сутозолотой парчи...» *Сутозолотой* – прилагательное, придуманное Гоголем, означающее «чисто золотой» (укр. *суто* – только, чисто).

Парча – плотная шелковая ткань со сложным узором, затканная золотыми или серебряными нитями. Использовалась для пошива одежды придворных и церковнослужителей.

«...из лучшего полутабенку...» *Полутабенюк* – наполовину табенюк; *табенюк* – вид шелковой ткани.

«...рассыпались перед ними мелким бесом и подпускали турысы». То есть старались всячески угодить, заискивали и пустословили, несли всякий вздор.

«...наряжаться в хари...» – примерять маски. *Харя* (устар.) – морда, личина (в виде звериной морды или уродливого лица).

«Что теперь? – только что корчат цыганок да москалей. Нет, вот, бывало, один оденется жидом, а другой чертом...» *Цыган* (или *цыганка*), *москаль* (солдат), *жид* и *черт* – самые популярные персонажи украинского народного театра – вертепа.

Начали жить Пидорка да Петрусь, словно пан с панею. Всего вдоволь, все блестит... Однако же добрые люди качали слегка головами, глядя на житье их. «От черта не будет добра, – поговаривали все в один голос. – Откуда, как не от искусителя люда православного, пришло к нему богатство? Где ему было взять такую кучу золота? Отчего вдруг, в самый тот день, когда разбогател он, Басаврюк пропал, как в воду?» Говорите же, что люди выдумывают! Ведь в самом деле, не прошло месяца, Петруся никто узнать не мог. Отчего, что с ним сделалось, бог знает. Сидит на одном месте, и хоть бы слово с кем. Все думает и как будто бы хочет что-то припомнить. Когда Пидорке удастся заставить его о чем-нибудь заговорить, как будто и забудется, и поведет речь, и развеселится даже; но ненароком посмотрит на мешки – «постой, постой, позабыл!» – кричит, и снова задумается, и снова силится про что-то вспомнить. Иной раз, когда долго сидит на одном месте, чудится ему, что вот-вот все сызнова приходит на ум... и опять все ушло. Кажется: сидит в шинке; несут ему водку; жжет его водка; противна ему водка. Кто-то подходит, бьет по плечу его... но далее все как будто туманом покрывается перед ним. Пот валит градом по лицу его, и он в изнеможении садится на свое место.

Чего ни делала Пидорка: и совещалась с знахарями, и переполох выливали, и соняшницу заваривали*¹⁷ – ничто не помогало. Так прошло и лето. Много козаков обкосилось и обжалось;

---

¹⁷ Выливают переполох у нас в случае испуга, когда хотят узнать, отчего приключился он; бросают расплавленное олово или воск в воду, и чье примут они подобие, то самое перепугало больного; после чего и весь испуг проходит. Заваривают соняшницу от дурноты и боли в животе. Для этого зажигают кусок пеньки, бросают в кружку и опрокидывают ее вверх дном

много козаков, поразгульнее других, и в поход потянулось. Стаи уток еще толпились на болотах наших, но крапивянок* уже и в помине не было. В степях покраснело. Скирды хлеба то сям, то там, словно козацкие шапки, пестрели по полю. Попадались по дороге и возы, наваленные хворостом и дровами. Земля сделалась крепче и местами стала прохватываться морозом. Уже и снег начал сеяться с неба, и ветви дерев убрались инеем, будто заячьим мехом. Вот уже в ясный морозный день красногрудый снегирь, словно щеголеватый польский шляхтич*, прогуливался по снеговым кучам, вытаскивая зерно, и дети огромными киями гоняли по льду деревянные кубари*, между тем как отцы их спокойно вылеживались на печке, выходя по временам, с зажженной люлькой в зубах, ругнуть добрым порядком православный морозец или проветриться и промолотить в снях залежалый хлеб. Наконец снега стали таять, и *щучка хвостом лед расколотила**, а Петро все тот же, и чем далее, тем еще суровее. Как будто прикованный, сидит посередине хаты, поставив себе в ноги мешки с золотом. Одичал, оброс волосами, стал страшен; и все думает об одном, все силится припомнить что-то; и сердится и злится, что не может вспомнить. Часто дико подымается с своего места, поводит руками, вперяет во что-то глаза свои, как будто хочет уловить его; губы шевелятся, будто хотят произнести какое-то давно забытое слово, – и неподвижно останавливаются... Бешенство овладевает им; как полоумный, грызет и кусает себе руки и в досаде рвет клоками волоса, покамест, утихнув, не упадет, будто в забытие, и после снова принимается припоминать, и снова бешенство, и снова мука... Что это за напасть божия? Жизнь не в жизнь стала Пидорке. Страшно ей было оставаться сперва одной в хате, да после свыклась бедняжка с своим горем. Но прежней Пидорки уже узнать нельзя было. Ни румянца, ни усмешки: изныла, исчахла, выплакались ясные очи. Раз кто-то уже, видно, сжалился над ней, посоветовал идти к колдунье, жившей в Медвежьем овраге, про которую ходила слава, что умеет лечить все на свете болезни. Решилась попробовать последнее средство; слово за слово, уговорила старуху идти с собою. Это было ввечеру, как раз накануне Купала. Петро в беспамятстве лежал на лавке и не примечал вовсе новой гостыи. Как вот мало-помалу стал приподниматься и всматриваться. Вдруг весь задрожал, как на плахе; волосы поднялись горою... и он засмеялся таким хохотом, что страх врезался в сердце Пидорки. «Вспомнил, вспомнил!» – закричал он в страшном веселье и, размахнувши топор, пустил им со всей силы в старуху. Топор на два вершка вбежал в дубовую дверь. Старуха пропала, и дитя лет семи, в белой рубашке, с накрытою головою, стало посреди хаты... Простыня слетела. «Ивась!» – закричала Пидорка и бросилась к нему; но привидение все с ног до головы покрылось кровью и осветило всю хату красным светом... В испуге выбежала она в сени; но, опомнившись немного, хотела было помочь ему; напрасно! дверь захлопнулась за нею так крепко, что не под силу было отпереть. Сбежались люди; принялись стучать; высадили дверь: хоть бы душа одна. Вся хата полна дыма, и посередине только, где стоял Петрусь, куча пеплу, от которого местами подымался еще пар. Кинулись к мешкам: одни битые черепки лежали вместо червонцев. Выпуча глаза и разинув рты, не смея пошевелинуть усом, стояли козаки, будто вкопанные в землю. Такой страх навело на них это диво.

«...и переполох выливали, и соняшницу заваривали». *Переполох* – болезнь, вызванная испугом.

Соняшница – сонная болезнь, летаргия.

«...но крапивянок...» *Крапивянка* – крапивница, дневная бабочка.

в миску, наполненную водою и поставленную на животе больного; потом, после зашептываний, дают ему выпить ложку этой самой воды. (Прим. Н. В. Гоголя.) «...словно щеголеватый польский шляхтич...» *Шляхтич* – привилегированный господствующий класс, форма аристократии в Польше, Литве и на Руси-Украине, а также в Войске Запорожском в XIV–XVIII веках.

Крапивница

«...словно щеголеватый польский шляхтич...» *Шляхтич* – привилегированный господствующий класс, форма аристократии в Польше, Литве и на Руси-Украине, а также в Войске Запорожском в XIV–XVIII веках.

Польский шляхтич

Ю. Левицкий. Знатные поляки

Костюмы польской знати

«... и дети огромными киями гоняли по льду деревянные кубари...» Кубарь – волчок, игрушка в виде шара с ножкой, который раскручивали при помощи веревочки или кнутика – кия.

Кубарь

«...щука хвостом лед расколотила...» Согласно народным приметам, лед начинает таять (щука разбивает его хвостом) 27 марта, в день Матрены-полурепицы, настовицы.

Что было далее, не вспомню. Пидорка дала обет идти на богомолье; собрала оставшееся после отца имущество, и через несколько дней ее точно уже не было на селе. Куда ушла она, никто не мог сказать. Услужливые старухи отправили ее было уже туда, куда и Петро потащился; но приехавший из Киева козак рассказал, что видел в лавре монахиню, всю высохшую, как скелет, и беспрестанно молящуюся, в которой земляки по всем приметам узнали Пидорку; что будто еще никто не слышал от нее ни одного слова; что пришла она пешком и принесла оклад к иконе Божьей Матери, исцвеченный такими яркими камнями, что все зажмурились, на него глядя.

Позвольте, этим еще не все кончилось. В тот самый день, когда лукавый припрятал к себе Петруся, показался снова Басаврюк; только все бегом от него. Узнали, что это за птица: никто другой, как сатана, принявший человеческий образ для того, чтобы отрывать клады; а как клады не даются нечистым рукам, так вот он и приманивает к себе молодцов. Того же году все побросали землянки свои и перебрались в село; но и там, однако ж, не было покою от проклятого Басаврюка. Тетка покойного деда говорила, что именно злился он более всего на нее за то, что оставила прежний шинок по Опошнянской дороге, и всеми силами старался выместить все на ней. Раз старшины села собрались в шинок и, как говорится, беседовали по чинам за столом, посередине которого поставлен был, грех сказать чтобы малый, жареный баран. Калякали о сем и о том, было и про диковинки разные, и про чуда. Вот и померещи-

лось, – еще бы ничего, если бы одному, а то именно всем, – что баран поднял голову, блудящие глаза его ожили и засветились, и вмиг появившиеся черные щетинистые усы значительно заморгали на присутствующих. Все тотчас узнали на бараньей голове рожу Басаврюка; тетка деда моего даже думала уже, что вот-вот попросит водки... Честные старшины за шапки да скорей восвояси. В другой раз сам церковный староста, любивший по временам раздобаривать глаз на глаз с дедовскою чаркою, не успел еще раза два достать дна, как видит, что чарка кланяется ему в пояс. Черт с тобою! давай креститься!.. А тут с половиною его тоже диво: только что начала она замешивать тесто в огромной диже*, вдруг дижа выпрыгнула. «Стой, стой!» – куды! подбоченившись важно, пустилась вприсядку по всей хате... Смейтесь; однако ж не до смеха было нашим дедам. И даром, что отец Афанасий ходил по всему селу со святою водою и гонял черта кропилом* по всем улицам, а все еще тетка покойного деда долго жаловалась, что кто-то, как только вечер, стучит в крышу и царапается по стене.

«...в огромной диже...» *Дижа* (или *дежа*) – кадка, в которой квасят и месят тесто на хлебы.

Дижа

«...гонял черта кропилом...» *Кропило* – пушистая кисть для окропления освященной водой во время некоторых христианских обрядов.

Кропило

Да чего! Вот теперь на этом самом месте, где стоит село наше, кажись, все спокойно; а ведь еще не так давно, еще покойный отец мой и я запомню, как мимо развалившегося шинка, который нечистое племя долго после того поправляло на свой счет, доброму человеку пройти нельзя было. Из закоптевшей трубы столбом валил дым и, поднявшись высоко, так, что посмотреть – шапка валилась, рассыпался горячими угольями по всей степи, и черт, – нечего бы и вспоминать его, собачьего сына, – так всхлипывал жалобно в своей конуре, что испуганные гайвороны* стаями подымались из ближнего дубового леса и с диким криком метались по небу.

«...испуганные гайвороны...» *Гайворон* (укр.) – птица семейства вороновых, грач.

Грач

Майская ночь, или Утопленница

Ворог його батька знає! почиуть що-небудь робить люди хрещені, то мурдуютьця, мурдуютьця, мов хорти за зайцем, а все щось не до шмигу; тільки ж куди чорт уплетеця, то верть хвостиком – так де воно й взмеця, неначе з неба.¹⁸

---

¹⁸ Черт его знает! Начнут что-нибудь крещеные люди делать, мучатся, терзаются, словно гончие за зайцем, а все нет толку; уж куда черт вмещается, верть хвостиком – так и не знаешь, откуда оно и возьмется, как будто с неба (Укр.)

И. Крамской. Русалки

I Ганна

Звонкая песня лилась рекою по улицам села ***. Было то время, когда утомленные дневными трудами и заботами парубки и девушки шумно собирались в кружок, в блеске чистого вечера, выливать свое веселье в звуки, всегда неразлучные с уныньем. И задумавшийся вечер мечтательно обнимал синее небо, превращая все в неопределенность и даль. Уже и сумерки; а песни все не утихали. С бандурою в руках пробирался ускользнувший от песельников молодой козак Левко, сын сельского головы. На козаке решетиловская шапка. Козак идет по улице, бренчит рукою по струнам и подплясывает. Вот он тихо остановился перед дверью хаты, уставленной невысокими вишневыми деревьями. Чья же это хата? Чья это дверь? Немного помолчавши, заиграл он и запел:

Сонце низенько, вечір близенько,
Вийди до мене, моє серденько!

– Нет, видно, крепко заснула моя ясноокая красавица! – сказал козак, окончивши песню и приближаясь к окну. – Галю! Галю! ты спишь или не хочешь ко мне выйти? Ты боишься, верно, чтобы нас кто не увидел, или не хочешь, может быть, показать белое личико на холод! Не бойся: никого нет. Вечер тепел. Но если бы и показался кто, я прикрою тебя свиткою, обмотаю своим поясом, закрою руками тебя – и никто нас не увидит. Но если бы и повеяло холодом, я прижму тебя поближе к сердцу, отопрею поцелуями, надену шапку свою на твои беленькие ножки. Сердце мое, рыбка моя, ожерелье! выгляни на миг. Просунь сквозь окошечко хоть белую ручку свою... Нет, ты не спишь, гордая дивчина! – проговорил он громче и таким голо-

сом, каким выражает себя устыдившийся мгновенного унижения. – Тебе любо издеваться надо мною, прощай!

Тут он отворотился, насунул набекрень свою шапку и гордо отошел от окошка, тихо перебирая струны бандуры. Деревянная ручка у двери в это время завертелась: дверь распахнулась со скрипом, и девушка на пороге семнадцатой весны, обвитая сумерками, робко оглядываясь и не выпуская деревянной ручки, переступила через порог. В полуясном мраке горели приветно, будто звездочки, ясные очи; блистало красное коралловое монисто, и от орлиных очей парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щеках ее.

– Какой же ты нетерпеливый, – говорила она ему вполголоса. – Уже и рассердился! Зачем выбрал ты такое время: толпа народу шатается то и дело по улицам... Я вся дрожу...

– О, не дрожи, моя красная калиночка! Прижмись ко мне покрепче! – говорил парубок, обнимая ее, отбросив бандуру, висевшую на длинном ремне у него на шее, и садясь вместе с нею у дверей хаты. – Ты знаешь, что мне и часу не видать тебя горько.

– Знаешь ли, что я думаю? – прервала девушка, задумчиво уставив в него свои очи. – Мне все что-то будто на ухо шепчет, что вперед нам не видаться так часто. Недобрые у вас люди: девушки все глядят так завистливо, а парубки... Я примечаю даже, что мать моя с недавней поры стала суровее приглядывать за мною. Признаюсь, мне веселее у чужих было.

Какое-то движение тоски выразилось на лице ее при последних словах.

– Два месяца только в стороне родной, и уже соскучилась! Может, и я надоел тебе?

– О, ты мне не надоел, – молвила она, усмехнувшись. – Я тебя люблю, чернобровый козак! За то люблю, что у тебя карие очи, и как поглядишь ты ими – у меня как будто на душе усмежается: и весело и хорошо ей; что приветливо моргаешь ты черным усом своим; что ты идешь по улице, поешь и играешь на бандуре, и любо слушать тебя.

– О моя Галю! – вскрикнул парубок, целуя и прижимая ее сильнее к груди своей.

– Поймай! полно, Левко. Скажи наперед, говорил ли ты с отцом своим?

– Что? – сказал он, будто проснувшись. – Что я хочу жениться, а ты выйти за меня замуж – говорил.

Но как-то унывно зазвучало в устах его это слово «говорил».

– Что же?

– Что станешь делать с ним? Притворился старый хрен, по своему обыкновению, глухим: ничего не слышит и еще бранит, что шатаюсь бог знает где, повесничаю и шалю с хлопцами по улицам. Но не тужи, моя Галю! Вот тебе слово козацкое, что уломаю его.

– Да тебе только стоит, Левко, слово сказать – и все будет по-твоему. Я знаю это по себе: иной раз не послушала бы тебя, а скажешь слово – и невольно делаю, что тебе хочется. Посмотри, посмотри! – продолжала она, положив голову на плечо ему и подняв глаза вверх, где необъятно синело теплое украинское небо, завешенное снизу кудрявыми ветвями стоявших перед ними вишен. – Посмотри, вон-вон далеко мелькнули звездочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая... Не правда ли, ведь это ангелы Божии поотворяли окошечки своих светлых домиков на небе и глядят на нас? Да, Левко? Ведь это они глядят на нашу землю? Что, если бы у людей были крылья, как у птиц, – туда бы полететь, высоко, высоко... Ух, страшно! Ни один дуб у нас не достанет до неба. А говорят, однако же, есть где-то, в какой-то далекой земле, такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и Бог сходит по нем на землю ночью перед светлым праздником*.

«...есть где-то, в какой-то далекой земле, такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и Бог сходит по нем на землю ночью перед светлым праздником». Мотив мирового древа, соединяющего небо и землю, широко распространен в мифологии разных народов, в том числе и у славян. В этом эпизоде Гоголь опирается на украинскую легенду, близкую

шаманским представлениям о мироустройстве, герой которой поднимается на небеса по дереву.

– Нет, Галю; у Бога есть длинная лестница от неба до самой земли. Ее ставят перед светлым воскресением святые архангелы; и как только Бог ступит на первую ступень, все нечистые духи полетят стремглав и кучами попадают в пекло, и оттого на Христов праздник ни одного злого духа не бывает на земле.

– Как тихо колыхнется вода, будто дитя в люльке! – продолжала Ганна, указывая на пруд, угрюмо обставленный темным кленовым лесом и оплакиваемый вербами, потопившими в нем жалобные свои ветви. Как бессильный старец, держал он в холодных объятиях своих далекое, темное небо, обсыпая ледяными поцелуями огненные звезды, которые тускло реяли среди теплого ночного воздуха, как бы предчувствуя скорое появление блистательного царя ночи. Возле леса, на горе, дремал с закрытыми ставнями старый деревянный дом; мох и дикая трава покрывали его крышу; кудрявые яблони разрослись перед его окнами; лес, обнимая свою тень, бросал на него дикую мрачность; ореховая роща стлалась у подножия его и скатывалась к пруду. – Я помню будто сквозь сон, – сказала Ганна, не спуская глаз с него, – давно, давно, когда я еще была маленькою и жила у матери, что-то страшное рассказывали про дом этот. Левко, ты, верно, знаешь, расскажи!..

– Бог с ним, моя красавица! Мало ли чего не расскажут бабы и народ глупый. Ты себя только потревожишь, станешь бояться, и не заснет тебе покойно.

– Расскажи, расскажи, милый, чернобровый парубок! – говорила она, прижимаясь лицом своим к щеке его и обнимая его. – Нет! ты, видно, не любишь меня, у тебя есть другая девушка. Я не буду бояться; я буду спокойно спать ночь. Теперь-то не засну, если не расскажешь. Я стану мучиться да думать... Расскажи, Левко!..

– Видно, правду говорят люди, что у девушек сидит черт, подстрекающий их любопытство. Ну слушай. Давно, мое серденько, жил в этом доме сотник. У сотника была дочка, ясная панночка, белая, как снег, как твое личико. Сотникова жена давно уже умерла; задумал сотник жениться на другой. «Будешь ли ты меня нежить по-старому, батьку, когда возьмешь другую жену?» – «Буду, моя дочка; еще крепче прежнего стану прижимать тебя к сердцу! Буду, моя дочка; еще ярче стану дарить серьги и монисты!» Привез сотник молодую жену в новый дом свой. Хороша была молодая жена. Румяна и бела собою была молодая жена; только так страшно взглянула на свою падчерицу, что та вскрикнула, ее увидевши; и хоть бы слово во весь день сказала суровая мачеха. Настала ночь: ушел сотник с молодою женой в свою опочивальню; заперлась и белая панночка в своей светлице. Горько сделалось ей; стала плакать. Глядит: страшная черная кошка крадется к ней; шерсть на ней горит, и железные когти стучат по полу. В испуге вскочила она на лавку, – кошка за нею. Перепрыгнула на лежанку, – кошка и туда, и вдруг бросилась к ней на шею и душит ее. С криком оторвавши от себя, кинула ее на пол; опять крадется страшная кошка. Тоска ее взяла. На стене висела отцовская сабля. Схватила ее и бряк по полу – лапа с железными когтями отскочила, и кошка с визгом пропала в темном углу. Целый день не выходила из светлицы своей молодая жена; на третий день вышла с перевязанною рукой. Угадала бедная панночка, что мачеха ее ведьма и что она ей перерубила руку. На четвертый день приказал сотник своей дочке носить воду, мести хату, как простой мужичке, и не показываться в панские покои. Тяжело было бедняжке, да нечего делать: стала выполнять отцовскую волю. На пятый день выгнал сотник свою дочку босую из дому и куска хлеба не дал на дорогу. Тогда только зарыдала панночка, закрывши руками белое лицо свое: «Погубил ты, батьку, родную дочку свою! Погубила ведьма грешную душу твою! Прости тебя Бог; а мне, несчастной, видно, не велит он жить на белом свете!..» И вон, видишь ли ты... – Тут оборотился Левко к Ганне, указывая пальцем на дом. – Гляди сюда: вон, подальше от дома, самый высокий берег! С этого берега кинулась панночка в воду, и с той поры не стало ее на свете...

– А ведьма? – боязливо прервала Ганна, устремив на него прослезившиеся очи.

– Ведьма? Старухи выдумали, что с той поры все утопленницы выходили в лунную ночь в панский сад греться на месяце; и сотникова дочка сделалась над ними главной. В одну ночь увидела она мачеху свою возле пруда, напала на нее и с криком утащила в воду. Но ведьма и тут нашлась: оборотилась под водою в одну из утопленниц и через то ушла от плети из зеленого тростника, которою хотели ее бить утопленницы. Верь бабам! Рассказывают еще, что паночка собирает всякую ночь утопленниц и заглядывает поодиночке каждой в лицо, стараясь узнать, которая из них ведьма; но до сих пор не узнала. И если попадетя из людей кто, тотчас заставляет его угадывать, не то грозит утопить в воде. Вот, моя Галю, как рассказывают старые люди!.. Теперешний пан хочет строить на том месте винницу и прислал нарочно для того сюда винокура...* Но я слышу говор. Это наши возвращаются с песен. Прощай, Галю! Спи спокойно; да не думай об этих бабьих выдумках!

«Теперешний пан хочет строить на том месте винницу и прислал нарочно для того сюда винокура...» *Винница* – погреб для хранения вина.

Винокур – ремесленник, занимающийся производством водки и спирта.

На винокурном заводе

Сказавши это, он обнял ее крепче, поцеловал и ушел.

– Прощай, Левко! – говорила Ганна, задумчиво вперив очи на темный лес.

Огромный огненный месяц величественно стал в это время вырезываться из земли. Еще половина его была под землю, а уже весь мир исполнился какого-то торжественного света. Пруд тронулся искрами. Тень от деревьев ясно стала отделяться на темной зелени.

– Прощай, Ганна! – раздалась позади ее слова, сопровождаемые поцелуем.

– Ты воротился! – сказала она, оглянувшись; но, увидев перед собою незнакомого парубка, отвернулась в сторону.

– Прощай, Ганна – раздалось снова, и снова поцеловал ее кто-то в щеку.

– Вот принесла нелегкая и другого! – проговорила она с сердцем.

– Прощай, милая Ганна!

– Еще и третий!

– Прощай! прощай! прощай, Ганна! – И поцелуи засыпали ее со всех сторон.

– Да тут их целая ватага! – кричала Ганна, вырываясь из толпы парубков, наперерыв спешивших обнимать ее. – Как им не надоест беспрестанно целоваться! Скоро, ей-богу, нельзя будет показаться на улице!

Вслед за сими словами дверь захлопнулась, и только слышно было, как с визгом задвинулся железный засов.

II Голова

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя. Тихи и покойны эти пруды; холод и мрак вод их угрюмо заключен в темно-зеленые стены садов. Девственные чащи черемух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный ветреник – ночной ветер, подкравшись мгновенно, целует их. Весь ландшафт спит. А вверху все дышит, все дивно, все торжественно. А на душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в ее глубине. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдруг все ожило: и леса, и пруды, и степи. Сыплется величественный гром украинского соловья, и чудится, что и месяц заслушался его посреди неба... Как очарованное, дремлет на возвышении село. Еще белее, еще лучше блестят при месяце толпы хат; еще ослепительнее вырезаются из мрака низкие их стены. Песни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спят. Где-где только светятся узенькие окна. Перед порогами иных только хат запоздалая семья совершает свой поздний ужин.

– Да, гопак не так танцуется! То-то я гляжу, не клеится все. Что ж это рассказывает кум?.. А ну: гоп трала! гоп трала! гоп, гоп, гоп! – Так разговаривал сам с собою подгулявший мужик средних лет, танцую по улице. – Ей-богу, не так танцуется гопак! Что мне лгать! ей-богу, не так! А ну: гоп трала! гоп трала! гоп, гоп, гоп!

– Вот одурел человек! добро бы еще хлопец какой, а то старый кабан, детям на смех, танцует ночью по улице! – вскричала проходящая пожилая женщина, неся в руке солому. – Ступай в хату свою. Пора спать давно!

– Я пойду! – сказал, остановившись, мужик. – Я пойду. Я не посмотрю на какого-нибудь голову*. Что он думает, *дидько б утысся его батькови!*¹⁹ что он голова, что он обливает людей на морозе холодной водою, так и нос поднял! Ну, голова, голова. Я сам себе голова. Вот убей меня бог! Бог меня убей, я сам себе голова. Вот что, а не то что... – продолжал он, подходя к первой попавшейся хате, и остановился перед окошком, скользя пальцами по стеклу и стараясь найти деревянную ручку. – Баба, отворяй! Баба, живей, говорят тебе, отворяй! Козаку спать пора!

– Куда ты, Каленик?* Ты в чужую хату попал! – закричали, смеясь, позади его девушки, ворочавшиеся с веселых песней. – Показать тебе твою хату?

– Покажите, любезные молодушки!

– Молодушки? слышите ли, – подхватила одна, – какой учтивый Каленик! За это ему нужно показать хату... но нет, наперед потанцуй!

---

¹⁹ Черт бы явился его отцу! (Укр.)

– Потанцевать?.. эх вы, замысловатые девушки! – протяжно произнес Каленик, смеясь и грозя пальцем и оступаясь, потому что ноги его не могли держаться на одном месте. – А дадите перецеловать себя? Всех перецелую, всех!.. – И косвенными шагами пустился бежать за ними.

Девушки подняли крик, перемешались; но после, ободрившись, перебежали на другую сторону, увидя, что Каленик не слишком был скор на ноги.

– Вон твоя хата! – закричали они ему, уходя и показывая на избу, гораздо поболее прочих, принадлежавшую сельскому голове. Каленик послушно побрел в ту сторону, принимаясь снова бранить голову.

«Я не посмотрю на какого-нибудь голову». Голова – в дореволюционной России и Украине руководитель ряда выборных органов местного самоуправления.

«Куда ты, Каленик?» Каленик – имя греческого происхождения, которое буквально переводится как «красивый победитель».

Но кто же этот голова, возбуждавший такие невыгодные о себе толки и речи? О, этот голова важное лицо на селе. Покамест Каленик достигнет конца пути своего, мы, без сомнения, успеем кое-что сказать о нем. Все село, завидевши его, берется за шапки; а девушки, самые молоденькие, отдают *добриденя**. Кто бы из парубков не захотел быть головою! Голове открыт свободный вход во все тавлинки; и дюжий мужик почтительно стоит, снявши шапку, во все продолжение, когда голова запускает свои толстые и грубые пальцы в его лубочную табакерку*. В мирской сходке, или громаде*, несмотря на то что власть его ограничена несколькими головами, голова всегда берет верх и почти по своей воле высылает, кого ему угодно, ровнять и гладить дорогу или копать рвы. Голова угрюм, суров с виду и не любит много говорить. Давно еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина ездила в Крым, был выбран он в провожатые; целые два дни находился он в этой должности и даже удостоился сидеть на козлах с царицыным кучером. И с той самой поры еще голова выучился раздумно и важно потуплять голову, гладить длинные, закрутившиеся вниз усы и кидать соколиный взгляд исподлобья. И с той поры голова, об чем бы ни заговорили с ним, всегда умеет поворотить речь на то, как он вез царицу и сидел на козлах царской кареты. Голова любит иногда прикинуться глухим, особливо если услышит то, чего не хотелось бы ему слышать. Голова терпеть не может щегольства: носит всегда свитку черного домашнего сукна, перепоясывается шерстяным цветным поясом, и никто никогда не видал его в другом costume, выключая разве только времени проезда царицы в Крым, когда на нем был синий козацкий жупан. Но это время вряд ли кто мог запомнить из целого села; а жупан держит он в сундуке под замком. Голова вдов; но у него живет в доме свояченица*, которая варит обедать и ужинать, моет лавки, белит хату, прядет ему на рубашки и заведывает всем домом. На селе поговаривают, будто она совсем ему не родственница; но мы уже видели, что у головы много недоброжелателей, которые рады распускать всякую клевету. Впрочем, может быть, к этому подало повод и то, что свояченица всегда не нравилось, если голова заходил в поле, усеянное жнищами, или к козаку, у которого была молодая дочка. Голова крив*; но зато одинокий глаз его злодей и далеко может увидеть хорошенькую поселянку. Не прежде, однако ж, он наведет его на смазливое личико, пока не обсмотрится хорошенько, не глядит ли откуда свояченица. Но мы почти все уже рассказали, что нужно, о голове; а пьяный Каленик не добрался еще и до половины дороги и долго еще угощал голову всеми отборными словами, какие могли только вспасть на лениво и несвязно поворачивавшийся язык его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.